

Мария Орунья Скрытая бухта

роман

18+

ТОЛЬКО
на
ЛИТРЕС

ОДНА ИЗ ЛУЧШИХ
ДЕТЕКТИВНЫХ СЕРИЙ В ИСПАНИИ

Мария Орунья
Скрытая бухта

«Фантом Пресс»

2015

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)

Орунья М.

Скрытая бухта / М. Орунья — «Фантом Пресс», 2015

ISBN 978-5-86471-929-9

Молодой лондонец Оливер Гордон получает в наследство колониальный особняк, виллу “Марина” в прибрежном городке Суансес в Кантабрии – области на севере Испании. Во время ремонтных работ в подвале обнаруживается замурованное тельце младенца, а рядом – странный предмет, уродливая статуэтка, изображающая какого-то экзотического идола. Страшная находка словно открывает дверь в бездну, и в мирном курортном местечке и его окрестностях начинают происходить убийства, одно замысловатей другого. Полиция в тупике, расследование буксует. Оливер, сбежавший в Испанию от своего прошлого, не на шутку увлекается расследованием, которое возглавляет Валентина Редондо, суровая красавица с глазами разного цвета. Постепенно становится ясно, что корни преступлений уходят в далекое прошлое, в годы испанской гражданской войны. Оливер понимает, что и страшная находка, и все, что произошло потом, напрямую связано с ним... Испанский детективный бестселлер, в котором расследование тесно сплетено с семейной историей. Особое обаяние книге придает место действия, Кантабрия, с ее скрытыми бухтами, уединенными пляжами, древними артефактами, – одна из самых таинственных областей Испании. Магия места в романе соединяется с детективным сюжетом, тайнами истории и древними символами. “Скрытая бухта” – настоящее детективное путешествие в неизведанное.

УДК 821.134.2
ББК 84(4Исп)

ISBN 978-5-86471-929-9

© Орунъя М., 2015
© Фантом Пресс, 2015

Содержание

Лето. Наши дни	7
Дневник (1)	15
Дневник (2)	21
Дневник (3)	30
Дневник (4)	42
Дневник (5)	44
Дневник (6)	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Мария Орунья

Скрытая бухта

Тебе, любовь моя, хоть ты никогда и не прочтешь эту книгу. И всем тем юношам и девушкам, что, сидя на скамеечках в парках, хранят глубоко внутри древние секреты и удивительные истории

У психопатов есть общая черта: виртуозная способность выдавать себя за обычных нормальных людей, тогда как за этим фасадом – жестокой и великолепной маской – бьется холодное сердце безжалостного хищника¹.

“Мудрость психопатов”, Кевин Даттона, доктор философии и член Королевского медицинского общества

María Oruñá, Puerto escondido
© 2015, Editorial Planeta, S. A. U.

Книга издана при содействии *Pontas Copyright Agency, S. L.*

Перевод с испанского *Марины Кетлеровой*

© Марина Кетлерова, перевод, 2023
© Андрей Бондаренко, оформление, 2023
© “Фантом Пресс”, издание, 2023

¹ Перевод И. Маяковой.

Лето. Наши дни

Пейзаж все сильнее и неумолимее погружал его в летнюю атмосферу, в эту особую расплавленную радость, от которой ты чувствуешь необыкновенную легкость.

Ему почти удавалось различить гомон маленького, бурлящего жизнью приморского городка, из лета в лето оживавшего с наплывом отдыхающих, что сбегали сюда, на короткое время возводя стену забвения, отделявшую их от работы и череды дел, и оставались только море и солнце. Открыточный вид был чуть хаотичен: домики, разбросанные по-над морем, без намека на планировку застройки, напоминали цветы, яркими пятнами рассыпанные на зеленом просторе.

Оливер немного расслабился, хоть поначалу правостороннее движение вызывало напряжение у лондонского жителя. Позади уже осталась гора Масера-де-Кастийо, северный склон которой смотрел на деревушку Кортигера, а южный сбегал к городку Инохедо. Необычное плато Кастийо, похожее на темный у основания параллелепипед, вырастало из земли, точно гигантская табуретка, забытая после посиделок каким-то местным богом.

По мере того как Оливер продвигался вперед, дома теснились все плотнее, стараясь захватить участки, откуда открывались роскошные виды на прибрежную идиллию.

Движение встало ровно в тот момент, когда Оливер увидел плакат “Добро пожаловать в Суансес”; он сообразил, что раз так отчетливо пахнет морем, то впереди наверняка пробка – длинный душный червяк из машин, набитых пляжными зонтиками, кремами для загара, разноцветными полотенцами, игрушечными ведерками и лопатками, которыми дети скоро примутся возводить кособокие замки.

Предвидя долгое топтание на месте, Оливер вздохнул. Он пригладил густые темные волосы, его темно-синие глаза пристально всматривались в открывавшийся справа пейзаж. Широкое устье реки Сан-Мартин-де-ла-Арена – или Ворчуньи, как называли ее местные – плавными излучинами расширялось к морю, Оливер отчетливо видел, как внизу, под обрывом, река избороздила почву, образовав эстуарии. Чтобы скрасить ожидание, он решил поизучать машину, которую взял напрокат, черный “фиат 500L”, – на его взгляд, типично дамское авто. Он принялся нажимать на кнопки радио. Зазвучали гитарные аккорды, вступило фортепиано, а следом машину заполнил уверенный и проникновенный мужской голос.

Оливер узнал печальную композицию – “Дай ей уйти” группы *Passenger*. Песня была о том, что люди ценят лишь то, что утратили. Оливер не нуждался в песенках, чтобы вспомнить Анну, ее длинные рыжие волосы, гладкие, как линия горизонта в пустыне. Она всегда была с ним, частью его самого – глубокая, но невидимая рана, которая все никак не затянется, пусть даже черты Анны уже начинали размываться в памяти. И все же музыка перенесла Оливера в их последние дни. В прошлое, казавшееся теперь таким далеким, утонувшее в бездне памяти.

– Иди сюда. Ты в порядке?

– Конечно, я в порядке. Что за вопрос. Важно, в порядке ли ты, – отозвался Оливер, стараясь, чтобы голос звучал не слишком заботливо.

– Нам нужно поговорить. – Она смотрела на него с умудренностью человека, осознавшего, что ему уже нечего терять. – Я хочу, чтобы ты отвлекся, познакомился с новыми людьми. С кем-нибудь познакомился. Мне неважно когда, но я не против, понимаешь?

– Ну что за глупости. Не будь тебя, я бы встречался с двадцатью девушками разом, – улыбнулся Оливер. – И вообще, все у нас наладится. Либо так, либо я потону в распутстве. – Он подмигнул.

Она тоже улыбнулась, но взгляд ее был устремлен куда-то вдаль, нездешний взгляд.

– Оливер, мы оба знаем... – Анна вздохнула, устало, посмотрела ему в глаза. – Оливер, настоящее счастье только то, что взаимно.

- Не поступай так со мной.
- Как не...
- Не прощайся, – перебил он.

СТОП. Очень вовремя: белые буквы на красном восьмиугольнике возникли на столбе справа. При такой скорости знак выглядел насмешкой. Оливер вынырнул из прошлого, вернулся на дорогу, к пейзажам и к пиликанию мобильного телефона.

– Да? Я слушаю. – Он нахмурился, прищурился, словно это могло как-то улучшить качество связи.

– Оливер Гордон? – Мужской голос в трубке звучал далеко-далеко, фоном ему служило подобие оркестра из молотков, дрелей и еще чего-то, напоминавшего визг циркулярной пилы.

– Это я. Кто говорит?

– Рафаэль Бернандес, партнер Антонио из строительной фирмы... Помните? Мы с вами несколько недель назад созванивались.

– Ах да, точно. Конечно, я вас помню. Вы прораб? Как там все продвигается?

– Ну... (Пауза.) Я как раз на вашей вилле, сейчас работает бригада каменщиков и плотников. Мне нужно вам кое-что сообщить... срочно. Вы можете разговаривать?

– Я за рулем, но в пробке, так что да, могу поговорить.

Собеседник откашлялся, будто подыскивая слова.

– Эээ... А вы, кстати, скоро вернетесь из Англии?

Оливер, начавший уже терять терпение, невольно улыбнулся.

– Смотря что для вас значит “скоро”. Я первым утренним рейсом прилетел в Бильбао, а сейчас нахожусь минутах в пятнадцати езды от Суансеса. Так что, будем надеяться, вернусь скоро, если получится выбраться из пробки отпускников. А можно узнать, что происходит? Какие-то проблемы с перепланировкой?

– Как хорошо, что вы уже здесь, я не ждал вас раньше чем через неделю или две.

– Да уж. Выкладывайте, Рафаэль, в чем дело?

– Дело в том, что мы кое-что нашли между стенными перегородками в подвале... Где вы велели освободить место для детской зоны, ну, для игровой зоны.

Оливер тяжело вздохнул и удивленно приподнял бровь, переключился на первую скорость – движение окончательно замерло.

– Так, и о чем речь? О твердой породе, которую невозможно пробурить, о проржавевших трубах или о мрачной тайной комнате? Что там такого важного? – спросил он, скептически улыбаясь в ожидании какого-нибудь абсурдного ответа. На заднем плане играло радио; музыка, тихая и тоскливая, совершенно не сочеталась с их странным разговором.

– Сами увидите, с такими вещами нужно обращаться осторожно, потому что нам могут остановить все работы, но, ясное дело, только вам решать, стоит ли обращаться к властям и что предпринять. Вот так, в общем.

Оливер начал злиться.

– Могу я, черт возьми, узнать, что вы там такое обнаружили в подвале? Если римские амфоры, то оставим их себе. Или там дремлет братец Дракулы?

– Нет. – Прораб проигнорировал сарказм. И в трубке снова воцарилось молчание, нарушаемое только стуком молотка. – Там... тело ребенка, сеньор Гордон. Гребаное тело ребенка, – выдохнул строитель, словно освобождаясь от давившей на него информации.

В этот момент песня сменилась голосом радиоведущего, принявшегося болтать о последних хитах и музыкальных чартах. Оливер, велев прорабу дожидаться его, дал отбой и уже ничего не слышал; его окутала тягостная тишина, он вел машину точно сомнамбула, лишь глухо стучало сердце, пока, промучившись четверть часа за рулем, не добрался до виллы, где, сопровождаемый Рафаэлем, напрямик направился к страшной находке. Его не покидало чувство, будто он спускается не в подвал своего дома, а в чью-то могилу.

Время от времени стоит сойти с дороги и углубиться в лес. И ты найдешь что-то, чего еще никогда не видел.

Александр Грэм Белл (1847–1922)

Сержант Ривейро припарковал патрульную машину, без полицейских знаков не отличимую от авто туриста, у ворот, рядом с которыми висела небольшая табличка: *Вилла “Марина”*.

Удивительно, что кости нашли в доме, мимо которого каждый день проходили десятки людей, направляясь к маяку Суансеса, к Пляжу безумцев и к прочим достопримечательностям небольшого полуострова, выдающегося в море. Особняк стоял у самого перешейка, на последнем изгибе Ракушечного пляжа.

Да и сам Ривейро, вместе с женой и двумя маленькими детьми, много раз проходил тут, полагая, что дом необитаем, владельцы его, должно быть, умерли, а для всякого нормального человека цена на него неподъемна. Однако теперь все выглядело так, будто дом наконец-то обзавелся хозяином, который пытается вдохнуть жизнь в эту развалину, но вдруг наткнулся на мертвеца.

Ривейро работал в отделе убийств Сантандера, в полицейском округе Кантабрии, так что, когда тело обнаружили, старший лейтенант Валентина Редондо, шеф отдела, отправила на старую виллу именно его – не только из-за опыта по части расследования убийств, но и потому, что несколько лет назад сержант служил в Суансесе и хорошо знал городок и его окрестности.

Выйдя из машины, Ривейро потянулся и внимательно посмотрел на Оливера: тот, не проявляя к нему никакого интереса, нервно расхаживал по саду, в глубине которого стояло внушительное здание, прикрытое зарослями из одичавших гортензий, инжировых деревьев, пальм и разросшихся кустов мирта.

Понаблюдав за ним, сержант направился к капралу Антонио Маса, служившему в Суансесе, – тот первым приехал в сопровождении патрульного. Капрал с задумчивым выражением смотрел на открывающийся внизу Ракушечный пляж, усыпанный разноцветьем зонтиков, несмотря на то что день был будний. Масу, улыбчивого рыжевато-парня под тридцать, явно интересовали не зонтики, а женские формы под ними.

– Эй, Маса, очнись.

– Извините, сержант, загляделся на пляж. Живут же люди! Представляете, отсюда есть собственный спуск к берегу.

Он указал на тропинку, сбегавшую по крутому склону и едва различимую в зарослях. За садом, как и за домом, явно очень давно никто не ухаживал. Ривейро проследил взглядом: тропка начиналась от боковой темной двери особняка и исчезала в буйно разросшейся зелени, выныривая там, где деревья отступали перед нагретым солнцем песком Ракушечного пляжа.

У тропинки, тоже прикрытое деревьями и кустами, темнело еще одно строение – довольно необычное, нечто среднее между бревенчатой хижинкой и крепким каменным кантабрийским домом. Стены небольшого строения были из крупного камня и бревен. Странное, на взгляд Ривейро, сооружение, словно бы из другой эпохи. Наверное, этот дом гораздо старше большого особняка, в подвале которого нашли кости. Он перевел взгляд на впечатляющее здание, стоявшее на самом верху холма, – рамы широких окон, выкрашенные в коричневый цвет, контрастировали с белыми стенами. Не слишком обычно для здешних краев, есть в этом то ли что-то французское, то ли южноамериканское. Интересно, когда его построили? С полвека назад, а то и раньше, наверное.

Он снова оглядел Ракушечный пляж, устье вдававшейся в море реки, каменистый Кроличий остров, угрюмо темневший вдалеке. От этих видов и в самом деле захватывало дух.

– Маса, расскажи, что уже известно.

– Только то, что я сообщил по радию. Останки, похоже, детские. Завернуты в старое тряпье, точно мумия. Выглядят очень старыми.

– Ясно, – кивнул Ривейро. – Ты, полагаю, проследил, чтобы никто там ничего не трогал, а место огородили. – Он вопросительно посмотрел на капрала.

– Конечно. И сразу же уведомил Управление Сантандера, попросил связать нас с криминальным отделом.

– Криминалисты уже выехали? Прекрасно, ты молодец. А судья и судмедэксперт?

– Их тоже предупредили, они едут. Все под контролем. – Маса едва каблуками не шелкнул.

– Черт, Маса, да тебе медаль полагается сегодня. А внутри кто... Мартин? – Ривейро имел в виду патрульного, которого знал по прежней службе в Суансесе.

– Да, следит за всем, а заодно опрашивает рабочих, которые нашли кости.

– А чем они тут занимаются? Перестраивают дом, как я понимаю, – сказал Ривейро, оглядывая строительные леса, бетономешалку и груды стройматериалов.

– Да, работы ведутся уже два месяца. Хозяин вон тот, что все ходит-бродит. – Маса ткнул пальцем в Оливера, который, словно услышав его, вдруг остановился и посмотрел на них.

– Ты его уже опросил? – спросил Ривейро.

– Нет, взял только личные данные. Ждал вас, сержант.

– Хорошо. Сначала я взгляну на находку, а ты пока предупреди этого типа, что я хочу задать ему несколько вопросов. И еще... Маса, можешь сделать мне одолжение? Перестань мне “выкать”. Мы уже лет восемь знакомы.

– Да, сержант. С сегодняшнего дня буду обращаться к вам на “ты”.

Ривейро улыбнулся:

– Ну, вперед.

Маса, кивнув, направился к Оливеру, а Ривейро зашагал к дому. Внутри его встретил Мартин, охранявший место возможного преступления.

Войдя, Ривейро ощутил разочарование: он ожидал чего-то невероятного, замысловатой старинной мебели, накрытой пожелтевшими холстинами, но вместо этого увидел только разложенные повсюду стройматериалы. Пустые комнаты заливал солнечный свет.

Мартин указал Ривейро на лестницу, ведущую в подвал, и они вместе спустились туда. Внизу, среди очередных груд стройматериалов, свежего цемента и бесконечной паутины труб, полицейский показал на перегородку, которую рабочие начали сносить утром, закрепив подпорки, – видимо, чтобы расширить пространство. Внутри снесенной стены и обнаружилось спеленатое тело.

У Ривейро вдруг возникло чувство, будто он вторгается во что-то личное, очень интимное. Воздух в подвале был плотный и тяжелый, в лучах света, лившихся сверху от двери, плясали пылинки.

Нечто, похожее на череп, цвета слоновой кости в бурых разводах, взирало на полицейских из погребального кокона пустыми глазницами.

– Взгляните, сержант, тут все истлело, одни кости. – Мартин указал на то, что проглядывало из-под пожелтевшего, изъеденного савана.

– Похоже, так. Вы, надеюсь, ничего не трогали? – спросил Ривейро.

Мартин глаз не мог отвести от маленького свертка, из которого на них смотрело существо, покоившееся сейчас на фанерном щите, который строители положили подле стены, служившей мумии саркофагом.

– Разумеется, нет, сержант.

– Отлично. Надо вызвать судебного антрополога, судмедэксперт вряд ли что-то сможет определить.

– Хорошо.

– И биолога.

– Чтобы взять ДНК? – удивился Мартин. – Но, сержант, ведь это, может, лежит тут со времен гражданской войны, шут его знает.

Ривейро взглянул на почти двухметрового полицейского, на его чернильную острую бородку, и вздохнул.

– Как знать, Мартин, как знать. К тому же, хоть тело и выглядит человеческим, может, это и не так.

– Думаете, это может быть животное? – Патрульный пригляделся. – Да нет, сержант, череп явно человеческий. Но пусть это решает эксперт.

– Пусть, – согласился Ривейро. – Ладно, я пойду в сад, поговорю с владельцем дома. Ты с ним знаком, видел его раньше?

– Нет, думаю, он нездешний. Тот еще франт. Красавчик упакован исключительно в дорогие бренды, а пострижен как итальянский модник. Вы, кстати, видели его тачку?

– Какую? Тот черный “фиат” снаружи?

– Ага, он самый. С такой тачкой и с такой внешностью стопроцентно педик.

– Мартин, держи себя в руках. Не завидуй. А то потом окажется, что ты от него без ума, – улыбнулся Ривейро.

И, не дав тому возможности ответить, развернулся и стал подниматься по лестнице.

Снаружи, несмотря на жару, Ривейро ощутил легкость и свежесть, как это бывает, когда выйдешь из склепа после похоронной церемонии, на которую пришлось тащиться из чувства долга. К своему удивлению, слева от дома и чуть выше Ривейро обнаружил теннисный корт, потрескавшийся и заросший травой. Поскольку участок занимал склон горы, владельцы дома соорудили террасы, спускавшиеся к пляжу: на верхнем уровне – теннисный корт, на следующем – дом. Чуть ниже – бассейн изогнутой формы. Его огибала тропка, нырявшая в заросли. Выныривала она у хижины, а обрывалась уже у самой кромки песка.

Оливер ждал его, стоя у пустого бассейна, который, судя по слою плесени на стенках и бурой жиже на дне, давно не чистили и не наполняли водой. Сержант в открытую разглядывал парня, который двинулся ему навстречу. Привлекательный тип, сложение вполне атлетичное, но напоказ его не выставляет. Из тех, что умудряются отменно выглядеть даже в старых джинсах и растянутой футболке, – вылитый Ричард Гир при полном параде в фильме “Офицер и джентльмен”. Ривейро, несмотря на свою завидную форму, уже разменял пятый десяток и не мог не позавидовать энергии, что свойственна молодости.

– Добрый вечер, я сержант Хакобо Ривейро из следственного отдела гражданской гвардии², – представился он и пожал Оливеру руку.

– Оливер Гордон, владелец дома.

– Вы англичанин? – спросил Ривейро.

– Наполовину, а наполовину испанец. У меня двойное гражданство. Мой отец англичанин, а мама испанка.

– Вот как. – Ривейро достал из кармана блокнот. – А проживаете вы не здесь, а в другом месте? Я имею в виду Англию.

Оливер улыбнулся.

– Прежде я часто проводил лето здесь, в этом самом доме, – он кивнул на особняк, – хотя родился в Лондоне и обычно живу там. Или в Шотландии. Но сейчас подумываю поселиться здесь.

– Вы говорите совсем без акцента, вполне сойдете за испанца. Я имею в виду, за местного. Оливеру явно было приятно это слышать.

– Да, мама всегда говорила со мной по-испански, с самого детства. А потом я изучал испанскую филологию в Университетском колледже в Лондоне.

² В Испании существует несколько видов полиции. – *Здесь и далее примеч. перев.*

– Ясно. – Ривейро восхитило, как ловко Оливер переключается на английское произношение, выговаривая названия. И поразило, до чего открыто держится этот парень, как прямо смотрит в глаза. Чертовски приятный малый. – Хорошо, давайте обсудим ситуацию. Ваши строители обнаружили в подвале человеческие останки, и, как вы понимаете, нам нужно установить их происхождение и причину смерти. Как давно вы являетесь владельцем дома? Вы или ваша семья, – уточнил он, сообразив, что Оливеру лет тридцать.

– По правде говоря, я и не знаю. Дом достался моей матери в наследство, а после ее смерти перешел ко мне. Вот я и решил привести его в порядок и устроить тут небольшой отель, место ведь идеальное.

– Отель? Значит, вы думаете остаться в Суансесе? Я имею в виду... вы собираетесь работать здесь, перебраться из Англии насовсем? – недоверчиво спросил Ривейро.

Оливер вздохнул:

– Да, решил заняться домом, который мне достался от матери, обосноваться в Испании и начать новый этап в жизни.

Сержант решил, что тут наверняка кроется какой-то давний конфликт. Новый этап в жизни? Сбежать из дома в другую страну – поступок не назовешь ординарным. У всех свои демоны, подумал он.

– Вы женаты? У вас имеются здесь родственники?

– Нет, не женат. Думаю, где-то в Испании живет мой троюродный брат, но связь мы не поддерживаем.

– Вот как... То есть, если я правильно понял, семья у вас в Англии.

– Да, отец, два дяди и брат. Хотя где сейчас он, я понятия не имею.

– Он? Ваш брат?

– Да, Гильермо.

– Он что, исчез? – Ну хоть что-то интересное.

– И не в первый раз. Он регулярно исчезает. Иногда надолго. После операции “Телик” он немного... не в себе, – сказал Оливер, помрачнев.

– Операция “Телик”? – изумленно переспросил сержант.

– О, конечно, извините, – Оливер улыбнулся, – вы ее называете иначе. Я имел в виду военную операцию в Ираке.

– Ну да, ну да. – Ривейро пометил, что следует порыться в интернете. – А как давно вы не знаете о его местонахождении? – спросил он с любопытством, хоть эта тема, скорее всего, никак не была связана с костями, найденными в подвале.

– Полтора года, – коротко ответил Оливер.

– Сочувствую. И у вас нет никаких соображений, где бы он мог находиться?

Оливер пожал плечами:

– С моим братом никогда не знаешь наверняка. Ибица, Австралия, Южная Африка... зависит от благотворительной организации, к которой он примкнет. Или какой-нибудь секты. Мы чего только не предпринимали, чтобы его найти. В последний раз он исчез на девять месяцев, а потом вдруг как ни в чем не бывало в сочельник появился в дом нашей бабушки.

– Ваши родители, наверное, места себе не находят.

– Мама умерла в прошлом году.

Ривейро готов был вклепить себе оплеуху: ведь парень только что сказал, что унаследовал дом от матери.

– Точно, вы говорили. – Сержант колебался. – Получается... Ваш брат не слышал о смерти матери?

– Думаю, нет. Разумеется, нам не удалось его разыскать, а он не звонил ни отцу, ни мне. Но это, полагаю, никак не связано с тем, что нашли в подвале.

– Этого, приятель, мы не можем знать наверняка, – покровительственным тоном произнес Ривейро. Но Оливер прав, пора сосредоточиться на находке. – Скажите, почему вдруг вы решили снести стену в подвале?

– Я собирался устроить там детскую игровую зону для постояльцев. Если люди путешествуют с детьми, тем нужно где-то играть. Например, если на улице дождь, – объяснил Оливер.

– Звучит разумно. – Ривейро задумчиво покрутил в руках блокнот. – Не хочу опережать события, но в зависимости от того, что скажет антрополог, мне потребуются все данные о доме, чтобы установить, кто был его владельцем в тот период времени, когда захоронили тело. Мы, разумеется, все проверим, но вы очень поможете, если предоставите документы, которыми располагаете.

– Конечно, но придется подождать несколько дней, потому что все бумаги у моего адвоката, а он сейчас в отъезде. Но я сегодня же позвоню ему. Копии всех документов я передам вам, как только получу их от него.

– Договорились. И еще имейте в виду, что, вероятно, на какое-то время нам придется приостановить строительные работы, чтобы все обследовать и убедиться, что больше никаких тайников нет. Где мы сможем вас найти? Где вы остановились?

– Здесь.

– Здесь? – удивился Ривейро и невольно оглянулся на разоренный особняк, в котором хозяйничали строители.

Оливер улыбнулся почти весело.

– Ну то есть там. – Он указал на хижину.

– Но разве там можно жить?

– Еще как. Пусть вас не смущают заросли и странноватый вид дома. С садом я буду разбираться после завершения ремонта.

– Да уж, работы вам хватит.

– И не сомневаюсь. – Оливер снова улыбнулся. – А еще бассейн, парковка, да и ограду надо укрепить... Поэтому первым делом я привел в порядок этот дом, – он указал на хижину, – поскольку собираюсь в нем жить. Особняк станет отелем. Еще одним курортным отелем. Но надеюсь, отелем с изюминкой, отличающимся от прочих. Подумываю устроить тематический пансион – например, для тех, кто изучает испанский или английский. Посмотрим. Я уже проанализировал местный рынок, и дело выглядит перспективным. Сейчас как раз обдумываю рекламу, нужно будет сделать сайт, вникнуть в систему студенческих обменов. Хотелось бы запустить все поскорее.

Ривейро был искренне поражен. Да у этого малого все просчитано. Вот только сегодняшняя находка явно не укладывалась в расчеты.

– Итак, вы живете в хижине? – уточнил он, словно не мог поверить в такое.

Очередная усталая улыбка.

– Хижина? Ну, в этой хижине два этажа. С этой стороны это непонятно, но дом стоит на склоне, и на другую сторону выходят два этажа. Внутри прекрасно все оборудовано, в скандинавском стиле, как из буклета “ИКЕА”. Хотите взглянуть?

Ривейро принял бы приглашение, если бы в этот момент к воротам не подъехали три машины. Он издали увидел, что в одной сидит добродушный толстяк судья Хорхе Талавера и судмедэксперт Клара Мухика, с пшенично-золотыми волосами, такая крошечная и тоненькая, что казалось, ее унесет легкий порыв ветра. Во второй машине прибыл судебный секретарь, который всегда держался отстраненно. Его задачей было проследить за работой судмедэкспертов и транспортировкой останков. В третьей же машине приехали криминалисты из лаборатории Сантандера. Сержант отправился им навстречу, знаком показав капралу Масае, чтобы тот держался поближе к хозяину дома.

Развернулось сложное и кропотливое действо: эксперты фотографировали, снимали видео, фиксировали отпечатки пальцев, брали пробы, проводили первичный осмотр останков. Ривейро ни на шаг не отходил от судмедэксперта – он хотел узнать хотя бы примерный возраст костей. Сержанта не покидало странное, но очень возбуждающее чувство, что эти останки хранят зловещую и давнюю тайну, что меж окаменевшими тряпками прячется какая-то сложная история.

Дневник (1)

На тот случай, если со временем утихнут отголоски прошлого, погаснет его свет и рассеются воспоминания о лицах людей, подаривших нам жизнь, должно сохраниться письменное свидетельство всего, что случилось. Свидетельство того, что продолжает происходить, – до меня долетела весть, что на вилле “Марина” обнаружили маленький скелет. Из моей памяти почти выветрилось, что он покоем там с миром. Но у любой истории есть начало. Я помогу тебе погрузиться в прошлое, чтобы увидеть, как проступила Сущность. Чтобы понять ее, тебе придется отправиться в прошлое вместе со мной.

Ты чувствуешь это? Этот запах селитры и эту беспечную людскую радость? Мы вернулись в лето 1936 года.

Волны нескончаемой чередой накатывают на красивый пляж в северной части Испании, прежде эта территория называлась провинцией Сантандер. Солнце ласкает крупный песок, на котором весело играют дети.

Ракушечный пляж приморского городка Суансес по-матерински тепло принимает семьи. Прячет их от могучих волн Кантабрийского моря в объятиях бухты, окруженной скалами, оберегает от бушующей стихии, атакующей другой, открытый берег, куда более суровый и дикий, прозванный Пляжем безумцев. Макушку выступающего в море полуострова венчает мыс Торко, с которого старый маяк в темноте подмигивает берегу, шлет световые свои поцелуи.

С высоты мыса видно, что Суансес состоит из двух частей. На склоне плато, спускающегося к побережью, небольшой городок, с мэрией, и рыночной площадью, и полицейским участком. Но ниже, за портом, там, где заканчивается протяженный Ракушечный пляж, у речного устья прячутся крошечные, уютные пляжи и бурлит иная, отпускная сезонная жизнь, выплескивается из новеньких отелей и летних домиков, окруживших пристань и рыбацкие лодки.

Суансес... Мысленно я могу нарисовать эту землю даже с закрытыми глазами. На севере – Кантабрийское море; на юге, вверх по реке, – городок Торрелавега; на востоке – старинная деревня Миенго; на западе – прекрасный Сантьяго-дель-Мар. Кантабрийское море омывает россыпь рыбацких деревушек: Инохедо, Кортигера, Онгайо, Пуэнте Авиос и Тагле. О каждой из них сложено немало легенд.

Вновь обратим свой взор к деткам, что играют на теплом песке, к плавным дюнам, подернутым зелеными брызгами травы, сбегающим на золотой берег.

Ты узнаешь эту девочку по ее движениям, по выражению глаз. Ей почти восемь; она такая тщедушная, такая маленькая, такая хрупкая. У нее длинные и волнистые каштановые волосы. Ее повсюду сопровождают взгляды, словно за ней тянется невидимый шлейф. И не скажешь, что она писаная красавица, но перед этой улыбкой, перед этими глазами не устоять.

Ее зовут Хана. Имя это никогда не забудешь.

Она застенчива. Она играет с братьями и сестрой, сражается с волнами, а блики солнца играют на ее коже. Она грациозна от природы, в ней пока еще спит та красота, которой все будут любоваться, и никто не ведает, что таится в этих больших зеленых глазах.

Это особый день, выходной, – подарок их отца. Тот почти час греб к Ракушечному пляжу по реке Сан-Мартин-де-ла-Арена, к которой несут свои воды речки Саха и Бесайя. Через несколько часов им придется вернуться в Инохедо, к тяжкому труду, из которого состоит каждый день крестьянина и рабочего.

Но вдруг происходит что-то странное. Среди людей пробегает волна испуганных возгласов и суетливых движений, и вот пляж пустеет в мгновение ока и теперь будет отсчитывать пустые одинокие часы в ожидании лучших времен.

– Дети! Идите сюда! Сейчас же! – отчаянно кричит кто-то.

Это Бенигно, отец Ханы, – высокий мужчина, худой и жилистый, с темными глазами и орлиным профилем. Дети, мгновение назад безмятежно игравшие в прибое, изумленно смотрят на отца. Еще же рано. Когда зовут обедать, так не кричат, любой дурак догадался бы. Дети испуганно замолкают.

– Идите сюда, я сказал! Давид, Клара, Антонио... Хана! Ну-ка, вылезайте из воды! – Отец торопится к воде, лицо у него бледное, на нем написан страх. – Живо, нам нужно домой! Давайте! Сейчас же! Марш одеваться! – Он срывается на крик и указывает в сторону расстеленных полотенец, где Кармен, их мать, в спешке собирает вещи.

Это невысокая женщина с темно-русыми волосами, взгляд ее ярко-голубых глаз беспокойно мечется по сторонам, она напоминает перепуганную мышку.

– Папа, что случилось? Что мы сделали? – спрашивает Давид, старший, выходя на берег. Он напуган.

– Ничего. Вы ни при чем. Мы возвращаемся домой – и помалкивайте.

– Но папа! – подает голос Хана. – Мы же недавно приехали!

– Уходим! Живо. – Отец замолкает, хватая Антонио и Хану за руки, взглядом приказывает Давиду и Кларе следовать за ними.

Дети в ужасе смотрят, как все люди вокруг лихорадочно собирают вещи.

– Пап, но что?..

– В стране переворот. Республика пала. Война. Поняли? Война. Проклятая гражданская война. Гром их разрази, Бога и всех архангелов, – бормочет отец, тщетно пытаясь сдержать беспокойство.

То утро 18 июля 1936 года Хана запомнит не из-за игр в ласковых волнах, не из-за теплого соленого и сияющего солнца, а из-за выражения ужаса и потерянности на лицах родителей, из-за спешного возвращения домой на взятой внаем лодке. В тот день мир погрузился в тревожную настороженность.

*Когда я вижу мертвого человека, смерть кажется мне уходом.
Труп словно оставленный костюм. Человек ушел, и ему более не нужен
тот особенный наряд, что он носил при жизни.*

Фернандо Пессоа (1888–1935)

Клара Мухика, судмедэксперт-антрополог, была в полном восторге от находки в Суансесе. Она вовсе не утратила эмпатию к жертвам любого насилия, но давно научилась отделять работу от чувств.

Обычно ей не удавалось применить на практике свои антропологические знания, так как трупы, с которыми приходилось работать, были свежими, а причины смерти вполне обыденными – домашнее насилие, наркотики или уличные разборки. Сейчас же ей предстояло иметь дело с останками явно очень старыми.

Проведя около часа в запущенном поместье, судья Талавера распорядился вывезти останки. Клара, притворившись занятой, уклонилась от расспросов сержанта Ривейро, жаждавшего узнать, сколько лет костям. Она не собиралась из-за спешки дать ошибочную оценку. Клара всегда стремилась к максимальной точности и мнение высказывала, только опираясь на результаты экспертизы.

Сидя в машине, направлявшейся обратно в Сантандер, она мысленно прокручивала, что предпримет, вернувшись в свою лабораторию в Институте судебной медицины Кантабрии. Наконец-то можно пустить в ход знания и опыт, что она получила в прошлом году, когда работала с лучшей в мире, по ее мнению, командой антропологов-криминалистов – Аргентинской группой судебной антропологии. Тогда у Клары было ощущение, что за неделю в Буэнос-Айресе она узнала больше, чем за все годы в университете.

Скорее из любознательности, нежели из соображений, что это как-то пригодится ей в работе, в тот месяц, что они с мужем провели по другую сторону Атлантики, Клара сначала посетила семинар в Аргентине, а затем побывала в США, в штате Теннесси, в Центре антропологических исследований, прозванном “Фермой трупов”.

– Мухика, твое молчание обычно означает, что ты что-то замышляешь, – сказал судья Талавера.

Он вел машину, а Клара сидела на пассажирском сиденье. Темные, цепкие глаза Клары блеснули, она едва заметно улыбнулась.

– Женщины все немного Макиавелли.

– Да уж, мне ли не знать. У меня дома их три. – У Талаверы с женой были две дочери-подростка.

– Бедняжки, из всех мужчин в мире им выпал именно ты, – усмехнулась Клара.

С судьей они были знакомы уже семь лет, между ними возникло что-то вроде дружбы, и изредка они устраивали совместные семейные ужины.

– Ну вы и шутница, сеньора судебный археолог.

– Антрополог, с твоего позволения.

– Еще бы я не позволил. Не я же целыми днями играю с мертвецами в подкидного. Ну так расскажи, о чем ты сейчас думала? Сколько лет этим костям? Наверное, еще времен гражданской войны?

Клара задумчиво покачала головой:

– Возможно, что и так, но я не уверена. Надо подождать результатов из лаборатории, но могу сказать, что тело пролежало в стенной нише несколько десятков лет как минимум. Надеюсь, рабочие ничего не повредили, когда раскрыли сверток.

– Сверток?

– Ты разве не видел? Тело было завернуто в старые простыни, и рабочие их частично размотали, прежде чем увидели, что внутри.

– Ты имеешь в виду – увидели череп.

Клара рассмеялась.

– Так точно, ваша честь, череп.

– А ты можешь оценить возраст ребенка? Ну, с учетом погрешности, сколько ему было? Месяц, год, пять лет?

– Это не так просто. Вечно вы все одно и то же... Что судейские, что полиция. Никто не задается вопросом, кто перед нами, что это был за человек, какая у него история.

Талавера помолчал.

– Но ведь это уже следующий шаг.

– Да. А сейчас я думала о своих заметках, которые привезла с “Фермы трупов” в Теннесси.

– Откуда? С “Фермы трупов”? Ты мне об этом не рассказывала. Это так ты отпуск проводишь? Черт, и как только Лукас тебя выносит. Бедняга, наверное, опасается, что однажды ты его утопишь в формалине.

– Напомню тебе, что Лукас врач.

– Ага, но имеет дело с живыми, ну ты в курсе, это которые шевелятся и все такое.

Клара скорчила гримаску и продолжила:

– Мы с ним провели пару дней в Теннесси, а “Ферма трупов” – это центр антропологических исследований, где изучают, как происходит процесс разложения тела в разных условиях.

– В каких условиях – например, если труп стоит на голове? Или потягивает под землей свой утренний кофе?

– Да ты сегодня в ударе. Хотя вообще-то примерно так. Тела кладут в разные позы и создают различные условия: помещают их в воду, в багажник машины, закапывают в землю...

Голыми и одетыми. В результате создана уникальная база данных, используя которую, по состоянию трупа можно определить, как долго в конкретных условиях он находился. Ты очень удивишься, узнав, каких результатов удалось добиться и каких ошибок избежать благодаря этим исследованиям. А курирует их Университет Теннесси.

– Университет?

– Вот именно. Кстати, территорию тоже предоставил Университет Теннесси.

– Охренеть. Кому это вообще в голову пришло? Наверняка руку приложил какой-нибудь твой кузен.

– Нет, конечно. Мой кузен, думаю, ни разу не бывал за пределами Паленсии³. Нет, идея такой фермы пришла в голову американскому судмедэксперту, который в восьмидесятые годы допустил серьезную ошибку при установлении возраста скелета. Ошибся лет на сто, скелет был времен американской Гражданской войны. Тогда-то он и решил, что хватит экспериментов на свиньях, пора переходить к людям, чтобы результаты были более достоверные.

– Ты меня убиваешь. Какие еще свиньи?

– Свиньи более всех прочих животных схожи с людьми. Глядя на тебя, я понимаю почему. – Клара беззастенчиво уставилась на пузо Талаверы.

Он нахмурился, но тут же рассмеялся.

– Ладно, давайте заключим мир, сеньора судмедэксперт. Через пять минут мы будем в твоей лаборатории. Франкенштейн уже, поди, изнывает от нетерпения. – Они проехали перекресток. – Скажи-ка, а на этой ферме им что-то удалось обнаружить или трупы там просто сваливают, как, типа, в “Техасской резне бензопилой”?

– Много чего. Благодаря им мы знаем, например, что летом тело разлагается быстрее, чем зимой, и что наличие одежды влияет на скорость разложения.

– Тоже мне открытие. Об этом даже я догадывался.

– Еще мы знаем, что можно каждый день проходить мимо трупа, даже не подозревая об этом, потому что зловоние распространяется лишь на десять метров.

Талавера открыл было рот, но Клара продолжила:

– Мы узнали, ваше сиятельство, что чем глубже в земле лежит тело, тем дольше оно разлагается; что труп толстяка, – тут Клара снова глянула на судейские телеса, – быстрее превращается в скелет, чем тело худого, и может терять до восемнадцати килограммов в день. Узнали, что труп может пролежать почти нетронутым всю зиму и весну, а с наступлением первых жарких дней разложиться целиком чуть ли не за сутки... Представь, сколько там насекомых. Первыми, кстати, появляются...

Судья Хорхе Талавера прервал ее:

– Ладно, ладно, хватит. Черт, меня от твоих объяснений чуть не стошнило. И кстати, мы уже на месте. – Он приготовился припарковаться во втором ряду, чтобы высадить Мухику у Института судебной медицины.

– Ну ты и неженка, – сказала Клара, вылезая из машины.

– Ага. Позвонишь, как что-нибудь узнаешь?

– Непременно.

Клара захлопнула дверцу машины и поспешила к себе в офис. Кости ребенка вот-вот должны были доставить, а ей еще нужно закончить два отчета для суда. Все вокруг воображали, что она целыми днями расчленяет трупы, как в сериале “CSI. Место преступления”, но на деле большую часть времени она сидела в кабинете, строчила отчеты, проверяла экспертизы и решала текущие проблемы лаборатории.

³ Небольшой город на севере Испании.

Два часа спустя, закинув в себя бутерброд с тунцом и каким-то непонятным соусом – подарок от кафетерия в Университетской больнице Маркес-де-Вальдесилья, – Клара Мухика вошла в отдел патологоанатомии, занимавший нижний этаж больничного морга, чтобы провести экспертизу найденного в Суансесе крохотного скелета. Проходя по коридору, она в который раз мысленно пожелала, чтобы у нее дома на кухне было хоть вполовину так же чисто, как в лаборатории, хоть та и была тесно заставлена стеллажами, на полках которых красовались бедренные и берцовые кости, челюсти и прочие, с трудом узнаваемые, останки как в банках, так и в открытом виде. Что-то было материалом для изучения, а что-то – уликами.

Клара подошла к столу для вскрытий, где уже лежал крохотный скелет. С трудом верилось, что в нем когда-то теплилась жизнь. Возле стола ее ждали помощники – Педро Мигес и Альмудена Кардона. Там же безмолвной тенью маячил Ульоа, агент из лаборатории криминалистики. Он почти не раскрывал рта, а участвовал в процессе и того меньше и потому оставался столь незаметен, что работавшие в зале аутопсии не обращали внимания на его присутствие, словно он был призраком, приглядывающим за трупом.

Обменявшись с коллегами приветствиями, Клара попросила Педро Мигеса подготовить резервуар, чтобы прокипятить кости и удалить остатки мягких тканей.

Пока Мигес занимался приготовлениями, Мухика с Кардоной начали разворачивать затвердевшие и пожелтевшие простыни, в которые было запеленато тельце. Когда первый слой ткани был снят и они принялись за второй, женщины так и застыли. Такого они не ожидали. Первой очнулась Кардона.

– Мухика, ты тоже это видишь?

– Глазам не верю, – изумленно отозвалась Клара.

– Что это за штукавина? Фигурка майя или что-то подобное?

Кардона нахмурилась, наблюдая за тем, как Клара Мухика осторожно берет в руки странную маленькую фигурку тусклого зеленого цвета. Ульоа, обычно сидевший в своем углу, тоже подошел взглянуть. Фигурка была размером с большой палец руки и, возможно, изображала представителя какого-то экзотического племени – с перьями у пояса и на голове. Две змеи то ли вползали внутрь через непропорционально огромный разинутый рот, то ли выползали из него.

– Да... – наконец заговорила Клара, – похоже на какой-то символ ацтеков или инков... Очень странно. Останки найдены в доме около Ракушечного пляжа, в Суансесе, особняку не более восьмидесяти лет. Надо будет привлечь кого-то из Управления культурного наследия.

Клара взглянула на Ульоа, затем на Кардону, а потом ее взгляд вернулся к гротескной фигурке. Та, казалось, безучастно насмехалась над ними.

– Смахивает на сувениры, которые нам впаривали в Тулуме или на Плайя-дель-Кармен, уже не помню. Когда мы ездили на Ривьера-Майя, – сказала Кардона, которая пару лет назад провела отпуск в Мексике.

Клара Мухика кивнула, не отрывая взгляда от этого необычного артефакта, внушавшего ей беспокойство.

– Смотри, – она показала Кардоне, – он, наверное, висел на этом шнурке. Напоминает подвеску.

– Довольно уродливую подвеску. – Кардона поморщилась.

Клара усмехнулась.

– Да уж, не шибко красив этот зеленый карлик, – сказала она, изучая со всех сторон фигурку. – Надо бы выяснить, что это за материал... на изумруд не похоже. Зеленый цвет... оливин? Нужно показать эксперту.

Наконец Клара отложила статуэтку, и они с Кардоной продолжили разворачивать саван. Больше сюрпризов не было. Судя по всему, крошечное тело при жизни весило килограмма два, сохранилось немало фрагментов мягких тканей, сухих и потрескавшихся, будто выделанная кожа.

– Видишь? – показала Кардона. – Тело почти мумифицировано.

– Да, и это наводит на мысль...

– Что где-то рядом находился источник тепла, так? – предположила Кардона.

– Возможно. Но я имела в виду другое. Младенец либо родился мертвым, либо умер сразу после рождения.

– Почему это?

– Потому что тела новорожденных ведут себя иначе, они разлагаются не совсем так, как организмы взрослых. У них еще нет микрофлоры, которая ускоряет разложение. А потому тело, в которое никогда не поступало пищи, обычно мумифицируется, если находится в сравнительно сухом помещении.

– Понятно. – Кардона постаралась скрыть досаду от того, что сама не сообразила.

– Разумеется, причина может быть и в источнике тепла, как ты и сказала. Не исключено, что рядом со стеной, в нише которой лежало тело, находится труба или отопительный котел. Но я ничего такого в том подвале не заметила. – Она помолчала, глядя на тело. И прошептала: – Бедный малыш.

У Клары Мухики, которой исполнилось сорок восемь лет, детей не было. Проблемы начались еще в молодости, ее дважды оперировали, но безрезультатно. В конце концов она решила, что счастлива и без детей, хватит ей мужа и трех его сумасшедших племянниц. К тому же материнский инстинкт особо не напоминал ей о себе, за исключением того дня, когда она осознала, что не сможет иметь детей. Но этим вечером, стоя у стола для вскрытий, на котором лежали детские кости и загадочная зеленая статуэтка, она ощущала острую жалость и к этому крошечному скелету, и к себе.

Дневник (2)

В учебниках истории пишут, что гражданская война в Испании продлилась три года. Для Ханы она началась в тот момент на пляже в Суансесе, когда всех смело, точно песчаной бурей, и закончилась в апреле 1939 года. Не стоит верить тому, что написано на бумаге – за обрывками правды там часто скрывается ложь. То, что написано в учебниках, не всегда точно. Ведь именно оттенки и детали придают событиям масштаб и реалистичность. То были смутные времена, которые тяжело вспоминать.

Оденься потеплее: на дворе раннее и холодное утро октября 1936 года. Война идет уже три месяца.

– Возьми только одеяла и пару буханок кукурузного хлеба, а остальное брось, – торопливо говорит мужчина жене. Видно, что он на взводе.

– Сейчас, – отвечает та, не глядя на него.

Она озирается, останавливает взгляд на груде одежды, которую прижимает к груди, откладывает ее, судорожно собирает одеяла и хлеб, как велел муж. Набивая огромную холщовую торбу, женщина громко, но спокойно говорит старшему сыну:

– Давид, надень на Антонио пальто, пора уходить.

Давиду двенадцать, глаза у него карие, в прожилках, точно сухие дубовые листья, он худой, но сложен ладно, в мальчике уже прорывается сильный и решительный характер. Он запикивает младшего Антонио в пальтишко, круглолицему малышу три с половиной, в нем все еще явственны младенческие черты, в зеленых с медовыми крапинками глазах читается абсолютная невинность. И страх – вот уже которую неделю.

Хана и Клара уже готовы. Они тепло одеты. Но там, наверху, никакая одежда не спасет, там ледяной ветер и сырость, там трудно дышать.

Кларе десять, она до того бледна, что выглядит почти болезненно. Глаза у нее прозрачно-серые, и когда она подолгу задерживает на чем-то взгляд, всем становится не по себе. Она очень миловидна, даже красива. Отец любит повторять, что Клара прямо фарфоровая куколка – такая же белая, хрупкая, нежная. Каштановые волосы у нее выются, как и у Ханы, в остальном совершенно на нее не похожей – та очень живая, излучающая тепло.

Девочки терпеливо ждут, сидя на краешке большой кровати, которую делят с братьями. Кровать стоит напротив двери в родительскую спальню. Домик у них крохотный – две комнаты, коридор-обрубок, ведущий в кухню, и пристройка-курытник, служащая также уборной. Дом стоит неподалеку от Астурийской цинковой фабрики, где работает Бенигно, вокруг растут высокие платаны, которые напоминают стражников, несущих караул.

– Боишься? – спрашивает Клара у младшей сестры.

– Не-а. С чего ты взяла? – отвечает Хана, уткнувшись взглядом в свои ботинки.

– Ты молчишь.

– Ты тоже.

– Но ведь это ты у нас болтушка, рта не закрываешь целыми днями. Я не боюсь. Ничуть. Совсем-совсем.

– Правда? – Хана поднимает на сестру взгляд.

– Конечно. Ничего плохого не случится. Знаешь почему?

– Нет. Почему?

– Потому что мы все вместе. Самое важное – наша семья, чтобы мы были все вместе. А еще ты можешь не волноваться, потому что я о тебе позабочусь. Я же старшая. – Клара выпрямляется и вытягивает шею, чтобы казаться выше.

– Старший Давид. – Хана улыбается.

– Мальчишки ничего не понимают. Мне почти столько же, сколько ему. Я скоро стану женщиной. – Клара делает паузу. – Я всегда буду заботиться о тебе, так что не бойся. Как Папа Лис.

Она обнимает сестру, а та снова утыкается взглядом в ботинки и, морща лоб, бормочет:

– Папа Лис?

– Конечно, глупенькая. Ты что, не знаешь, что Папа Лис всегда присматривает за лисятами, пока мама ищет еду?

– Врушка. Это Мама Лисица так делает, пока Папа Лис работает. Как наш папа.

– А вот и нет. Это Папа Лис. Он сидит с детенышами. Мне так бабуля говорила. Самца можно узнать по ушам, у лисьих пап они как у летучих мышей, – объясняет Клара и смешит Хану, корча рожицу, изображая летучую мышь.

– Готовы? – Бенигно прерывает их. Но ответа он не ждет. – Так давайте, вперед.

И вот в кромешной тьме, еще не рассвело, семья карабкается в гору, которая, подобно матери, ждет их, чтобы укрыть в своем лоне, заключить в объятия и убаюкать тихой мелодией ветра.

– Руки вверх! Стоять! – раздается сзади мужской голос.

Бенигно оборачивается, голос ему знаком. Он пытается разглядеть в сумерках лицо человека.

– Браулио! Твою мать, как же ты меня напугал. В следующий раз хоть покажись сначала. В чем дело?

– Да не волнуйся ты, приятель. Я еще вчера собирался с тобой потолковать, но совсем позабыл из-за Хуаны.

– Точно, поздравляю вас. Кармен мне рассказала, что ребенок родился здоровым. Я не успел к вам заглянуть, сам знаешь, работа. Так, а в чем дело?

– Мы прокладываем путь в горах, протаптываем тропу по краю склона. Чтобы с воздуха ее не было видно. Поэтому я и пришел, хотел сказать, чтобы вы с детьми шли другой тропой, она к тому же полегче будет, Лучо вам покажет.

– А остальные? Они пойдут тоже по ней или прежней дорогой? Еще есть тропа в районе Кастру, но та подлиннее.

– Мы собираемся менять тропы каждый день. Молодежь сегодня поднимается по южной стороне, мы – со стороны крепостной стены, а семья Касете там, где ходят коровы. Моя Хуана уже наверху.

Бенигно кивает:

– Ну ладно, идем.

Он готов следовать за соседом, довериться ему, потому что у них одна общая цель – выжить.

Поздно.

Издалека, но уже вполне отчетливо доносится слабый гул самолета. Звук негромкий – это истребитель. И не один.

Семье Бенигно не нужно ничего объяснять. Соседу Браулио тоже, он бросает взгляд на Бенигно. И уже в следующий миг все срываются с места. Они мчатся что есть мочи. Антонио отец подхватил на руки, остальные дети бегут сами.

Никогда еще они так быстро не добивались до пещер. Две крохотные пещерки, где в сытые довоенные времена обитали только лисы да летучие мыши.

Хана добежит первой – она всегда была быстрой. Остальные отстают на несколько мгновений. Согнувшись, они залезают в одну из пещер, где уже находятся их более предусмотрительные соседи. Жена Браулио тоже там, на руках у нее сверток – должно быть, младенец, завернутый в одеяло. Она прижимает его к выпростанной груди – у младенца ранний завтрак.

Все молча толкаются в темноте, даже не здороваясь друг с другом. Страх сдавливает горло, что-то сжимается между желудком и сердцем, которое гулко и часто колотится.

Оглушительный рев моторов. Совсем близко. Неужели их заметили? Но нет, кажется, пронесло. Это просто патруль. Два советских истребителя, монопланы Поликарпова облетают Масера-де-Кастийо. Самолеты республиканцев. В темноте не всегда удастся различить, из какой стаи эти металлические птицы, – такие монопланы оливкового цвета есть и у франкистов, и у республиканцев. Первые называют врагов “крысами”, вторые – “мухами”. Пулеметы, установленные на крыльях самолетов, производят по тысяче шестьсот выстрелов в минуту. Этим утром ШКАСы⁴ обоих самолетов остаются полными.

В пещере тихо, по вибрирующему воздуху ее обитатели ощущают, что небо рассекает новая металлическая угроза. Так и есть. Ревет третий самолет. Хана задерживает дыхание. Британский истребитель “Фантом”, серебристый, с двумя пулеметами М2 и четырьмя бомбами по десять килограммов каждая, пытается догнать два других самолета. Они удаляются. Это тоже республиканцы.

В пещере постепенно нарастает гул разговоров.

– И чего не спится этим козлам, – говорит Браулио, когда от самолетов остаются лишь точки на светлеющем небе.

– Да, – выдыхает отец Ханы и замолкает, опустив голову.

– Это “крысы”, вы видели? – спрашивает Педро, крепкий широкоплечий парень лет шестнадцати, их сосед из Инохедо, тоже укрывшийся в пещере.

– Так кто это был, красные? – спрашивает Бенигно.

– Ну ясное дело, – отвечает Браулио, не дожидаясь, что скажет Педро, который открыл было рот, – краснее некуда. Метят территорию, как псы. Поссали бы тут еще.

– Да получше сраных “мух”, – раздается фальцет Педро. Он и не пытается скрыть, что на стороне республиканцев.

– Проклятые “мухи”, – улыбается Браулио, который разделяет политические взгляды парня.

Бенигно кивает в знак согласия. Правительство Республики было избрано на демократических выборах, так что он считает его законным. Но ни он, ни прочие крестьяне не горят желанием выступать на стороне какой-либо партии, они слишком заняты тем, как бы выжить.

Как бы то ни было, “крысы” республиканцев и “мухи” националистов тем утром прочесывали небо. Выбравшись наконец из пещеры, где она три часа просидела на корточках, Хана поняла, что обмочилась.

Последовавшие затем месяцы и годы оставили неизгладимый отпечаток на Хане и ее близких. Шрамы избородили женские души, до краев наполнив их силой и яростью. У Ханы появилась цель. Не забывай, что в каждом из нас дремлет зверь.

*Кто хочет показать нам истину, пусть не говорит ее: пусть
сделает так, чтобы мы сами ее обнаружили.
Хосе Ортега-и-Гассет (1883–1955)*

В Сантандере Оливер ждал в кабинете своего адвоката. Это была просторная комната, куда секретарь провела его через лабиринты устланных коврами коридоров. Сидя в кабинете, Оливер гадал, действительно ли адвокат прочитал все эти книги, что теснились в массивных шкафах, или они тут просто для красоты. Он сдержал любопытство и не стал проверять, являются ли эти сотни томов в твердых переплетах настоящими книгами или картонными подделками, какие продаются в мебельных магазинах. Обманка для доверчивых клиентов, чтобы произвести на них впечатление.

⁴ Авиационный скорострельный пулемет Шпитального – Комарицкого (ШКАС) – первый советский скорострельный синхронный авиационный пулемет.

Появление адвоката отвлекло Оливера от изучения классического кабинета, заполненного книгами, дипломами и полотнами в золотых барочных рамках с какими-то морскими баталиями. Адвокат Сан-Роман выглядел вполне моложаво, хотя и было ясно, что он мог бы давно уже удалиться от дел. Войдя в комнату, дышащую стариной и покоем, через боковую дверь, а не через ту, в которую ввели Оливера, адвокат, раскинув руки, направился к молодому человеку и заключил его в объятия.

– Как же я рад тебя видеть, дорогой мой, отлично выглядишь. – Голос Сан-Романа звучал радостно и энергично.

– Спасибо, и вы тоже.

Адвокат отмахнулся и направился к своему креслу за письменным столом.

– Ну прекрати, что еще за комплименты, прекрасно знаешь, что я развалина, набитая имплантами. И обращай ко мне на “ты”, к чему нам эти церемонии.

Пока Сан-Роман устраивался в своем кресле, Оливер задумался, о каких имплантах тот говорит. Пожалуй, зубы выглядят слишком идеально, так что, наверное, о них. Или, может, Сан-Роман носит парик? А вот это что за штука в ухе... современный слуховой аппарат?

Однако вслух он, конечно, ничего не сказал.

– Что ж, такие вот дела. Очень сочувствую тебе с этой суматохой на вилле “Марина”. До чего же неприятная история. – Разумеется, адвокат говорил о детском скелете, найденном на вилле.

– Да уж, честно говоря, словно кирпич на голову.

– Удалось что-нибудь выяснить про эти кости?

– Без понятия. Думаю, нет, прошло пять дней, а из полиции мне не звонили, хотя дом обследовали еще раз. Возможно, у них есть и более срочные дела. Они два дня рыскали по дому и вокруг, даже использовали георадар, чтобы убедиться, что никаких других тел нет. Прямо как в кино. Работают они очень осторожно, но в прессе уже поднялась шумиха. Должно быть, вы в курсе.

– Да, я читал. Наверняка ты знаешь, что историю эту окрестили “Делом о мумии с виллы «Марина»”.

– Знаю. А в некоторых газетах останки прозвали “ангелом виллы «Марина»”. Наверное, потому что скелет совсем маленький, будто это кости новорожденного. И вдруг пошли разговоры, что видели что-то странное вблизи дома, какое-то свечение, и якобы раздавался какой-то подозрительный шум. Ну и призрак ребенка, как же без него. Надеюсь, слухи не очень разползутся, потому что это может загубить весь мой замысел с отелем.

– Или принести небывалый успех.

– В смысле?

– Слухи – отличная реклама. Люди обожают истории про призраков. Подумай об этом, может быть, ты сумеешь как-то использовать ситуацию себе во благо. – Адвокат улыбнулся, и от улыбки морщины на его благодушном лице проступили отчетливей. – Кстати, как твой отец?

– Хорошо, спасибо. Сейчас он гостит у своего брата в Шотландии, в Хайленде. Пробудет там какое-то время.

– Ясно. А твой брат? О нем что-нибудь известно?

– Ничего. – Оливер покачал головой, во взгляде его мелькнуло раздражение.

– Понятно. Твоя матушка каких только поручений мне ни давала, чтобы как-то на него выйти, но все безрезультатно. Мы даже наняли частного детектива, однако без толку. Знаешь, незадолго до того, как... умереть, она приходила сюда, обсуждала, что можно еще предпринять, чтоб выяснить его местонахождение. Она была уверена, что он в Испании.

– Да, я знаю.

– Мне ужасно жаль, Оливер. Я очень хорошо к ней относился. И много лет на нее работал. Хотя большую часть ваших дел вел лондонский адвокат, я продолжал заниматься всеми

делами, связанными с Испанией, ты, наверное, в курсе. Мы были знакомы больше тридцати лет.

– Я это помню. Она очень ценила тебя. И полностью доверяла твоему профессионализму. Мужчины несколько секунд молчали. Выражение лица адвоката вдруг сделалось суровым.

– Поверить не могу, что ее убийца уже на свободе.

– Да... Но это несчастный случай, Сан-Роман. Что ни день, таких инцидентов сотни, просто мы всегда думаем, что ни с нами, ни с кем-то из наших близких ничего подобного не произойдет. – Взгляд Оливера остался безмятежным, но лицо напряглось.

– Водитель был пьян. Его должны были посадить, а не приговаривать к исправительным работам. Ему вменили “непредумышленное убийство”, но вести машину в таком состоянии... Знаешь, Оливер, после стольких лет работы в этой сфере я не раз убеждался, что трусы и убийцы всегда находят лазейку в законе и прогибают его под себя.

– А я думал, этим занимаются адвокаты, – пошутил Оливер, пытаясь снять напряжение и сменить тему, ему совершенно не хотелось разговаривать о том, как однажды субботним вечером какой-то двадцатилетний алкаш сбил его мать на пешеходном переходе в Саутфилдс, на юге Лондона, когда та возвращалась домой из магазина.

Сан-Роман понял, что Оливер пытается перейти к менее личным темам. Однако его удивят сведения, за которыми он пришел сюда в поисках информации о своей семье. Что ж, Сан-Роман постарается изложить все как можно тактичнее, а Оливер пусть делает собственные выводы, ведь он парень смывленный.

– Оливер, я собрал для тебя документы о вилле “Марина”, о которых ты просил, но до того, как ты начнешь их изучать, я, как эксперт по юридическим вопросам, обязан пояснить кое-что.

Оливер изумленно приподнял брови. Этого еще не хватало, опять сюрпризы. Что от него скрывает этот старый лис? Он покорно вздохнул, готовый выслушать все, что адвокат собирается сказать.

– Слушаю.

Без дальнейших церемоний Сан-Роман раскрыл коричневую папку, лежавшую на столе, и достал несколько фотокопий, с виду совсем свежих. Он протянул их через стол Оливеру.

– Должно быть, ты в курсе, что твоя мать, будучи резидентом Британии, а позже получив британское гражданство, заключила брачный договор с раздельным владением собственностью, согласно англосаксонской модели, то есть в свободной форме, без обязательства оставить наследство детям, как того требует испанская норма.

– Я в курсе, – перебил Оливер. – Тем не менее думаю, что она достаточно разумно все поделила, не забыла про нас.

– Действительно, – кивнул Сан-Роман, – тебе она завещала виллу “Марина”, зная, что ты любишь бывать в Суансесе и Сантандере. Хоть дом и нуждается в серьезном ремонте, уже само его местоположение, возле пляжа, придает ему ценность.

– Не понимаю, к чему ты клонишь.

– Потерпи. Я расскажу тебе подробности, а ты составишь общую картину. Продолжим. Гильермо она оставила маленькую квартиру в Челси, в Лондоне...

Оливер снова перебил:

– Это вполне справедливо, ведь Гильермо плевать хотел на Суансес и Кантабрию, а любая квартира в Челси стоит куда дороже, чем самый роскошный особняк в Суансесе.

Сан-Роман улыбнулся.

– Не защищайся ты так, Оливер. Безусловно, это справедливо, особенно учитывая, что завещание было составлено несколько лет тому назад. Ни ваш лондонский адвокат, ни я – у меня хранится копия документа, которая сейчас перед тобой, – никогда не показывали вам

завещания, подписанного вашей матерью. Это было сделано по ее просьбе. Она хотела, чтобы вам было известно о разделе имущества, но вы избежали возни с бумагами.

– Так, и что? – нетерпеливо спросил Оливер, листая документы без особого интереса.

– И, – невозмутимо продолжал адвокат, – она завещала значительный капитал каждому из вас, хотя деньги твоего брата лежат на депозите. А еще она оставила внушительную сумму некоему третьему лицу.

– Третьему лицу? – изумился Оливер. – Что значит – третьему лицу? Ты имеешь в виду отца?

– Нет, – коротко ответил адвокат.

Оливер фыркнул.

– Если ты хочешь намекнуть, что у моей матери, разменявшей седьмой десяток, имелся тайный любовник, можешь не продолжать. Как выйду отсюда, сразу наверну рюмочку цикуты.

Сан-Роман расхохотался.

– Постой, парень, не торопись. Думаю, твоя матушка была самой верной и любящей женой на свете. Расслабься, я не собираюсь отнимать у тебя много времени. Давай к делу. Оставшиеся средства она завещала монахиням-францисканкам из прихода Сантильяны-дель-Мар в Кантабрии.

– Монахиням? Но ведь она не была верующей! – удивленно воскликнул Оливер.

– Нет, верующей не была. Но была благодарной.

– Благодарной?

– Сейчас все поймешь. Я рассказываю тебе о францисканках, потому что это напрямую связано с той информацией о вилле “Марина”, которую ты ищешь. Наберись терпения. Слева от тебя завещание, содержание которого я тебе пересказал, за исключением того лишь пункта, что вашему отцу отошли значительная сумма денег и коллекционный автомобиль. Так, а справа – документ на владение виллой “Марина” и все надлежащие бумаги. Если ты внимательно их изучишь, то увидишь, что никакого акта купли-продажи заключено не было.

– Как так? Дедушка с бабушкой купили этот дом, после их смерти он достался маме, она умерла, оставив дом мне, вот и все.

– Нет, не спеши. Ты принимаешь на веру историю, которая не соответствует правде. Твой дедушка с бабушкой никогда не покупали виллу “Марина”. И она досталась им не по наследству, а по сроку давности, это называется узукапия.

– Узу... что? – Оливер не верил своим ушам.

– Узукапия. Другими словами, в силу давности владения.

– А это что такое?

– Это означает, согласно статьям № 1930–1960 Гражданского кодекса Испании от 1889 года, что твои бабушка и дедушка приобрели дом на основании того, что непрерывно владели им в течение продолжительного времени.

– Ты мне хочешь сказать, что они окупасы?⁵

Сан-Роман улыбнулся, и его морщины разгладились.

– Нет, я хочу сказать, что они стали владельцами дома, потому что распорядились им очень долгое время, без каких-либо тому препятствий и возражений со стороны его законных владельцев. Согласно Гражданскому кодексу, срок распоряжения недвижимостью должен составлять по меньшей мере десять лет в случае добросовестности человека и наличия правового основания для передачи ему в собственность или же тридцать лет при их отсутствии.

Оливер помолчал.

– Получается, что законный владелец подарил им дом. Ты это имеешь в виду?

⁵ Испанский аналог сквоттера – человека, самовольно вселившегося в пустую квартиру.

– Если упрощать, то можно сказать и так. Они даже подписали отдельный документ, согласно которому узугапия начнет действовать по истечении десяти лет – с условием, что дом не будет продан и будет передан по наследству законным наследникам.

– Понятно. Полагаю, тебе известны причины такой щедрости? Никто ведь просто так не станет дарить дом у пляжа. Не припомню, чтобы у бабушки с дедушкой была другая ответственность, а дружбы с миллионерами они не водили, так что на то должна быть серьезная причина. – Оливер вопросительно смотрел на адвоката.

– Вот именно. Причина должна быть. Несомненно, она имела, но мне она неизвестна. Твоя мать узнала, каким образом был приобретен дом, только много лет спустя, уже после смерти твоего деда.

– То есть мама об этом знала? – Изумленный Оливер почти гротескно распахнул глаза.

– Она узнала об этом лет десять назад, когда ей пришлось разбираться в документах и устанавливать, какой недвижимостью владели твои бабушка с дедушкой. Это случилось, когда дедушка умер, а в живых оставалась только твоя бабушка, донья Урсула. У той уже начались проблемы с головой – Альцгеймер, кажется. Твою мать оформили в качестве ее опекуна, а я тогда как раз занимался всеми бумагами и вел это дело в суде. У бабушки случались моменты помрачения, когда она чего только не фантазировала, и это перемежалось с периодами, когда она была в ясном сознании. Но она все больше уходила в воспоминания о прошлом. Как-то раз во время встречи с твоей матерью она заявила, что та ей не родная дочь.

– Прости? Ты это о чем? Мою маму удочерили? Чтоб тебя, только этого не хватало. Но это разве не старческие бредни? – Оливер повысил голос и замотал головой, оглушенный информацией, от которого весь его мир вдруг перевернулся с ног на голову. Он почувствовал себя потерянным и очень одиноким.

Адвокат медлил, давая Оливеру прийти в себя. На парня в последние дни немало обрушилось.

– Оливер, я понимаю, что слишком много для одного раза. Если бы на вилле “Марина” не нашли это... тело, то не было бы нужды в документах и ты бы никогда ничего не узнал. Твоя мать не хотела, чтобы вы знали. Я даже не в курсе, говорила ли она что-то твоему отцу, когда вернулась в Лондон. Она не хотела забивать этим еще чью-то голову.

– Отец точно знает. Он всегда ездил с ней.

– Не всегда, Оливер. Твоя мать часто приезжала одна, проводила тут пару дней, а потом уезжала... наверняка ты и сам помнишь. Когда бабушка была при смерти, она нашла сиделку на полный день, ухаживать за ней на вилле “Марина”. В любом случае, Оливер, не так уж важно, знает об этом твой отец или нет. Видишь ли, узнав о прошлом, твоя мать продолжила жить как жила. Она была сильной женщиной. И, думаю, счастливой.

Оливер помолчал, потом спросил:

– Ладно. А как с этим связаны францисканки? Сан-Роман, если ты сейчас мне сообщишь, что моя мать – незаконнорожденная дочь какой-нибудь монахини, боюсь, я устрою тут погром.

Адвокат рассмеялся.

– Эта мебель такая же развалюха, как я сам, но, надеюсь, ты не собираешься колотить мой дубовый письменный стол, потому что тогда перелом тебе обеспечен. Оливер, успокойся. Насколько понимаю, никаких страшных тайн в удочерении твоей мамы нет. Ее забрали из монастыря, когда ей было два года.

– Два года? Черт, поверить не могу. А о ее родителях ничего не известно?

– Думаю, нет. А если твоей матери и удалось что-то выяснить, мне она о том не сообщила. Пойми, когда она родилась, в Испании царила нищета, продукты выдавали по карточкам. Детей тогда частенько подкидывали в монастыри. В Сантандере был детский дом, но люди больше доверяли монахиням. Тяжелые были времена.

Оливер ошеломленно слушал объяснения Сан-Романа, пытаясь уложить все в голове. Он вздохнул.

– Так, а когда мама все это узнала... ну, что ее удочерили, а дом фактически подарили ее родителям... что она тогда сделала?

– Отправилась к францисканкам. Но с ними просто так не поговоришь, это закрытый орден. Полагаю, встретили ее там тепло, потому что она завещала им сто тысяч фунтов. Как-никак это они ее растили первые два года.

– Ладно. А что дом, чей он? Какое отношение к нему имеют бабушка с дедушкой?

– Вилла “Марина” когда-то принадлежала одному влиятельному семейству из Торрелавеги по фамилии Онгайо, и в то время у них было столько денег, что хоть подтирайся ими. В Испанию Онгайо прибыли из Латинской Америки, сделав состояние вроде бы в Уругвае. Думаю, строительство дома началось году в сорок седьмом, а твои бабушка с дедушкой поступили к ним на службу в пятидесятые. Судя по тому, что твоей маме удалось разузнать у бабушки, какое-то время спустя они решили взять ребенка у монахинь. Вот все, что мне известно.

Оливер помотал головой:

– Что значит – поступили на *службу*? Они же не слуги! Дедушка работал на “Сольвей”, занимался подъемными кранами.

Химический комбинат “Сольвей” уже много десятков лет работал в Торрелавеги.

Тут уже вздохнул Сан-Роман:

– Это было позже, Оливер. А до этого они служили на вилле. Типичная семейная пара, которой доверили присматривать за домом. Владельцы собирались приезжать только на лето, иногда на выходные весной. Бабушка была за домохозяйку и кухарку, дедушка работал шофером и садовником, он был мастер на все руки. Обычная история.

Оливер, совершенно подавленный, сгорбился на стуле. Какое-то время он молчал.

– Допустим. Но если мама ходила к францисканкам, то, зная ее характер, я уверен, что она пошла и к Онгайо. Если, разумеется, люди, подарившие дом нашей семье, были живы. Могу себе представить, как такой подарочек взбесил их наследников.

– Да уж, полагаю, наследники были не в восторге. Я помню, что к Онгайо твоя мать действительно ходила, но, как уже сказал, о результатах встречи не имею понятия. Это было ее личное дело. Прошло столько времени. Думаю, из свидетелей той эпохи в живых осталась только сеньора Онгайо. Она была и остается очень известной в Комильясе личностью. Успешная предпринимательница, всегда принимает участие в благотворительных вечерах, все в таком духе. Ей, должно быть, уже сильно за восемьдесят.

– Она живет в Комильясе?

– Да, вроде бы там. Если, конечно, еще жива. Ты не удивляйся, у нее тут тьма собственности повсюду, но проживает она именно в Комильясе. По крайней мере, твоя мама ездила к ней туда.

Оливер встал, не переставая качать головой.

– Поверить не могу, что мама ничего нам не рассказала.

– Сынок, у всех женщин есть секреты.

– Ну да. А у меня теперь голова взрывается от вопросов, которые некому задать. Я должен выяснить, почему вилла “Марина” досталась нашей семье и откуда взялся этот скелет, найденный строителями.

Адвокат тоже поднялся.

– Оливер, я рассказал тебе все, что мне известно о вилле “Марина”. Если тебе нужны еще какие-то ответы, придется искать их самому. Я, разумеется, готов помочь, если понадобится помощь.

Оливер кивнул:

– Спасибо. Постараюсь привести мысли в порядок, чтобы найти хоть какую-то логику во всем этом. Позвоню отцу. И в полицию, потому что мне нужно предоставить им документы. – Он помолчал, потом продолжил: – Возможно, они обратятся к тебе по каким-нибудь юридическим вопросам. Например, насчет узу... как там ее?

– Узукапия, – улыбнулся Сан-Роман. – Конечно, я буду сотрудничать со следствием. Оливер, иди-ка отдохни, а то ты совсем бледный.

– Еще бы. Из меня за эти полчаса будто всю кровь выкачали.

– Спокойнее. Вот увидишь, скоро все разрешится. Звони, если тебе что-нибудь будет нужно, чтобы здесь обустроиться. Ты уже точно решил остаться или еще думаешь вернуться в Лондон? – Адвокат обошел стол.

– Я собирался заскочить на пару дней, чтобы посмотреть, как продвигаются работы, но теперь придется повременить с вылетом. В любом случае я твердо намеревался поселиться на вилле “Марина” в конце лета и остаться зимовать.

– Ясно. Но не стоит отмечать Рождество в одиночестве, парень.

Оливер улыбнулся:

– Говорят, лучше быть одному, чем в плохой компании. Однако, может быть, на несколько дней ко мне заедут друзья. Пока не знаю. Я теперь не строю долгосрочных планов. Особенно семейных.

– Да, – согласился Сан-Роман, – иногда так намного лучше. Кстати, мне очень жаль, что с Анной так получилось. Мне рассказал твой отец.

Взгляд Оливера сделался непроницаемым, но голос не изменился:

– Спасибо.

– Наверное, тебе сильно досталось. Но ты еще очень молод. Сразу предупреждаю: у нас тут женщины с характером. Но встречаются среди них убийственно красивые. – Адвокат выразительно изогнул бровь, что не произвело на Оливера особого впечатления.

– Понял. Спасибо за все, Сан-Роман. – Он пожал адвокату руку. – Я позвоню, если будут новости.

– Непременно. Буду ждать. Вот, возьми документы. – Адвокат ловко подхватил стопку листов и отправил их в коричневую папку.

После этой встречи Оливер решил поехать напрямик на виллу “Марина”. Выпить крепкого кофе, спокойно просмотреть все документы и найти какие-то объяснения всему этому безумию. Затем он позвонит в полицию и поищет в интернете информацию про семейство Онгайо. И про францисканок, раз уж такое дело. Его мать два года растила монахини! Надо позвонить отцу – вдруг он что-то знает.

Но планы резко поменялись.

Сев в черный “фиат”, взятый напрокат, Оливер проверил мобильный, который он забыл в бардачке. Три пропущенных вызова из полицейского управления Сантандера. Он тут же перезвонил. Ответивший на звонок капрал мгновенно соединил его с сержантом Ривейро. День и так не обещал ничего приятного, но от того, что Оливеру сообщили по телефону, у него в буквальном смысле перехватило дыхание. В тот момент, когда он решил снести перегородки в подвале виллы, он, сам того не ведая, открыл дверь напрямик в головокружительную бездну страха и смерти.

Дневник (3)

Белые круглые облака плотной массой надвигаются с моря, наползают с Кортигеры на плато Масера-де-Кастийо, повисают над противоположной стороной, угрожая обрушиться на Инохедо, выплеснуться на долину, подобно пивной пене, рвущейся из-под крышки.

В январском небе 1937 года еще угадывается тень ночи. Хана вместе с братьями и сестрой готовятся лезть в пещеры. Раньше они забирались туда только утром – казалось, что самолеты облетают земли только на заре. Сейчас они все чаще прячутся в укрытие и сидят там весь день, спускаясь с горы только с наступлением темноты, ведь франкисты готовы летать, строчить из пулеметов и сбрасывать бомбы в любое время суток. Республиканских самолетов уже почти не видно. Становится понятно, что их край захватывают франкистские войска.

Мама готовит тортিলю: картошка, немного муки, молока и яйцо – чтобы скрепить смесь. В сиянии карбидной лампы, как те, что используют шахтеры, Кармен похожа на добродушное, без усталости хлопотное привидение. Обычно она застенчиво опускает глаза, но сейчас ее взгляд сделался жестче.

Страх вынуждает Кармен, и так не особо разговорчивую, совсем замолчать. Две недели назад националисты бомбили Сантандер. Восемнадцать трехмоторных самолетов оставили после себя десятки раненых и по меньшей мере семьдесят погибших. Республиканцы в ответ убили сто пятьдесят семь пленных с корабля “Альфонсо Перес”, пришвартованного в Сантандере в качестве филиала тюрьмы Эль-Дуэсо. Ужасающий кровавый хаос. Войне удалось ожесточить и притупить чувства, загасить те маленькие огоньки света, что теплились в душах множества мужчин и женщин.

Тем пронизывающе холодным утром 1937 года Кармен поняла, что обе стороны конфликта преступили черту морали, черту чести и достоинства, справедливости и человечности. Нарушив эту границу равновесия, границу разумного, человек становится опасен, потому что отныне он непредсказуем. Кармен боится за детей, за их будущее. Она изводит себя мыслями о том, станут ли ее дети жертвами этой всеобщей деморализации, которая расплзается подобно вирусу. Она наблюдает за Ханой, обнимает ее и кутает еще в одну шаль. Целует девочек в макушки, гладит по волосам. Заключает Антонио в объятия, прячет его в своих юбках, и малыш нежно жмется к ней, мурлыча и требуя ласки.

Все вместе они покидают дом и поднимаются в горы. Бенигно не всегда идет с ними, потому что работает на фабрике, но тем утром он с семьей, будто ангел-хранитель. Хана и Клара негромко смеются, легонько пихаются и даже отваживаются напевать “Хоровод картошки”:

В хороводе из картошки
Пожуем салата немножко,
Как едят сеньоры
апельсины и лимоны!
Ачу! Ачу!
Сажусь
Куда хочу!

– Да заткнитесь, черт бы вас подрал! – сурово шепчет Бенигно, и девочки замолкают. – Вперед. И чтоб тихо. – Он подносит палец к губам.

Давид смотрит на сестер и корчит им рожу. Вот уже и пещеры. Путь к ним они знают до последнего камешка. Держась за руку старшего брата, Антонио поднимается по тропинке так ловко и решительно, словно всю жизнь только этим и занимался. Разговаривать он толком еще

не умеет, но жестами и взглядами умудряется выразить столько всего, что постоянно привлекает внимание остальных, вызывая улыбки своими ужимками.

Вместе с другими жителями Инохедо и Кортигеры они уже с час находятся в пещере, когда доносится гул самолета. Лица у взрослых каменеют. Все мгновенно замолкают, наклоняют головы и пошире раскрывают глаза, будто так будет слышнее.

Первым пролетает немецкий истребитель-биплан *Arado AR 68*, самолет франкистов. Вскоре он окажется на вооружении у легиона “Кондор”. Обычная разведка. Или нет. Потому что прямо за ним, выстроившись в цепочку, летят несколько самолетов *Heinkel He 51*. Но Хана и ее родные знают, что следом за истребителями, с их привычными пулеметными очередями, почти всегда появляются другие самолеты. Их можно почувствовать. Они уже совсем близко.

Рев их оглушает. Звук такого мотора ни с чем не спутаешь – это бомбардировщик. Итальянский *Savoia Marchetti S.M.81* – темная мощная громадина. Экипаж – восемь человек. Вооружение – более двух тонн бомб и шесть пулеметов. Самолет все ближе. Как странно. Обычно они не подлетают так близко к фабрике – ближайшему к пещерам зданию.

Этим мерзлым январским утром на Инохедо падают три бомбы. Их свист навсегда врежется в барабанные перепонки жителей деревни.

От первой же бомбы здание Астурийской цинковой фабрики почти обрушивается. Почти, но не до конца. Небольшая ошибка наведения. Вторая бомба задевает устье реки, вода вперемешку с осколками снарядов и землей разлетается вокруг зияющей воронки.

Третья бомба падает почти вплотную к пещере, в которой прячется Хана. Ее, Давида и Клару подбрасывает взрывной волной. Дети ударяются о низкий потолок убежища, все вокруг в дыму и летящей отовсюду земле, ничего не видно. Крики и стоны несутся со всех сторон. Ужасно тяжело дышать. Педро, такой крепкий и сильный, скособочившись, потерянно мечется по пещере и в конце концов выбирается наружу, не замечая, что у него оторвало левую кисть. Основной удар пришелся на пещеру, но они этого еще не поняли.

Бенигно зовет детей. В голосе его отчаяние. Слепую он ощупывает тела. Вслушивается в стоны, пытаясь различить родные голоса.

– Кармен! Кармен! Давид! Клара!.. Господи, помоги... Кармен! Хана! Тони! – в безумии выкрикивает он, давясь песком. Он вроде бы цел. Но нет. Из правой ноги хлещет кровь.

– Папа! Мы тут! – кричит Давид, которому удается расслышать голос отца сквозь хаос. Он с трудом выталкивает из себя слова. Он лежит на земле, рядом с Кларой и Ханой. Внизу воздух чище и даже можно немножко дышать.

– Господи, благодарю тебя, спасибо, спасибо, Господи Боже... – всхлипывает Бенигно, начав молитву криком и закончив шепотом.

Он обхватывает обеими руками Давида, обессиленный от рыданий. Клара явно в шоке, она не может сказать ни слова, девочка слепоу нащупывает отца, прижимается к нему. Хана почти не видит их, но чувствует их присутствие. Она безутешно рыдает, заходится в истерике и ждет, что ее тоже обнимут. Отцовские успокаивающие объятия не заставляют себя ждать, он судорожно прижимает дочь к себе.

– А мама? Папа, где мама? И Антонио? Антонио! Тони! – Давид предчувствует беду, она будто уже сдавила его легкие.

Вслед за отцом он пытается отыскать мать и брата.

Вид разорванных на куски тел парализует его. Невозможно понять, кому принадлежат эти ошметки. Крошечные части чьей-то жизни, разбросанные повсюду, вплоть до выхода из этой норы, укрытого в зарослях. Вокруг кровь и человеческие внутренности, все тонет в сладковато-металлическом запахе, смешанном с запахом гари.

Только через несколько минут они осознают весь ужас ситуации: везде убитые и раненые, и нужно срочно искать другое убежище на случай новых налетов. Воздух начинает проясняться, и неуверенный луч света отваживается заглянуть в пещеру.

Из девятнадцати человек, укрывшихся в просторной лисьей норе, семерых не стало тем зимним утром. Четверо, превратившиеся в неопознаваемую массу, умерли сразу, на месте. Двое – в тот же день в походном госпитале в центре Инохедо, а последний, седьмой, – трое суток спустя на руках у своих родителей, Хуаны и Браулио, глаза которых навсегда утратят блеск и никогда больше не озарятся радостью.

Сбросив третью бомбу, бомбардировщики исчезли. Может, им помешал туман, который, судя по прогнозам, ожидался на рассвете и стелился по долине. Но до самого конца войны налеты на фабрику больше не повторятся. Видимо, это был абсурдный и случайный маневр.

Выбравшись из пещеры, Хана даже не почувствовала ледяной холод, от которого обычно сжимались внутренности. Ее, наоборот, жгло изнутри, она вся горела. Она даже не осознала, что чьи-то заботливые руки уведут ее, Клару и Давида прочь, как можно дальше от пещеры, пока за спиной у них раздаются душераздирающие вопли отца, которого пытаются удержать другие мужчины.

От Кармен и Антонио, которого смерть настигла в подоле матери, почти ничего не осталось. Их тела обратились в ужасающее неразличимое месиво.

Хана узнала, что такое кровавая бойня, – она слышала ее, ощущала ее запах, прикасалась к ней. С изумлением она обнаружила, что мамы и Антонио больше нет. Поверить в это ей никак не удавалось. Но когда ее сознание впустило в себя эту мысль, та охватила ее целиком и легла внутри столь непомерной тяжестью, что впервые в жизни девочка потеряла сознание и в чувство пришла лишь спустя три часа. Но она не спала. Она просто пребывала в аду.

Акт правосудия позволяет закончить главу; акт мести начинается новую.

Мэрилин вос Савант (1946)

Статья в газете “Эль Диарио Монтаньес” от 9 июля 2013 года.

Вчера, в понедельник, в устье Сан-Мартин-де-ла-Арена в Суансесе был обнаружен труп мужчины, всплывший на поверхность реки.

Инициалы жертвы – П. С. Д. Погибшему приблизительно шестьдесят четыре года, он житель Суансеса. На данный момент обстоятельства его смерти неизвестны, поскольку отчет судмедэкспертизы еще не готов.

Тело обнаружил рыбак. Он увидел труп в воде рядом с причалом в устье реки и тут же сообщил об этом по рации портовым властям. Труп был извлечен из реки силами местной полиции и спасательным патрулем при участии работников Красного Креста и членов местной гражданской обороны.

– Дочитали? – спросил сержант Ривейро у Оливера, пока тот изучал заметку в газете, лежавшей на письменном столе в кабинете в комендатуре гражданской гвардии Сантандера.

– Да. Но я не понимаю... – удивленно сказал Оливер. – Газета ведь сегодняшняя... так?

– Да, сегодняшняя. Вам ничего не известно? В городе суший переполох. Со вчерашнего дня, кажется, ни о чем другом тут не говорят.

– Нет, я ничего не знал. Честно, ничего. Я из дома-то вышел только на пробежку и в супермаркет, а сегодня утром ездил к адвокату в Сантандер, чтобы забрать документы, которые вы просили.

– И больше вы из дома не выходили?

Оливер устало вздохнул.

– Ну сами посудите. Сначала в моем подвале находят человеческие останки. Почти сутки дом осматривают и все такое. Потом на два дня останавливают строительные работы, что еще куда ни шло, потому что были выходные. Но тут ко мне являются полицейские с георадами – убедиться, что я не прячу целое кладбище. Сами понимаете, сколько времени у меня ушло

на то, чтобы возобновить строительные работы, поговорить с каменщиками и подрядчиком, побеседовать с журналистами и побегать от них, – кстати, ума не приложу, где они взяли мой номер. А еще я консультировался с моим испанским адвокатом, ну и другие дела никто не отменял.

– А телевизор у вас есть?

– Да, но в новостях я ничего такого не видел. Хотя, если честно, я пока не разобрался, какой тут местный канал. Я смотрел международные и искал в интернете информацию о вилле “Марина”. Если хотите, дам свой ноутбук, вы сами убедитесь.

– Нет. Это не нужно... пока что, – успокоил Оливера сержант, хотя голос у него теперь был совсем не таким дружелюбным, как в их первую встречу, скорее, суровым и напряженным. – Как вы, наверное, догадались, я звонил вам не только по поводу найденных останков, но и насчет этого трупа в реке.

– Что вы имеете в виду? По телефону вы сказали, что останки, найденные в подвале, связаны с какой-то аптечной статуэткой, и все. Мне этого было достаточно. Я сразу же поехал к вам. Но новость в газете как со мной связана?

– Надеюсь, никак. Однако с виллой “Марина” она может быть связана напрямую, поэтому мы вас так срочно вызвали – не только обменяться информацией по вашему делу, но и задать ряд новых вопросов.

– Хорошо. Я в вашем распоряжении. Но прошу мне все разъяснить! Честно говоря, я только что узнал невероятное о доме и о своей семье и как раз собирался позвонить вам и завезти необходимые документы.

– Прекрасно, – кивнул Ривейро. – Оливер, если честно, находка на вилле “Марина” не числилась среди наших приоритетов, учитывая срок давности. У нас хватает куда более актуальных дел. К тому же мы еще не получили заключение патологоанатомов, но, принимая во внимание последние события, придется ускорить этот процесс.

Сержант сделал паузу. Оливер вдруг снова ощутил, как и утром, в кабинете адвоката Сан-Романа, непонятную уверенность, что сейчас он услышит нечто такое, что запутает ситуацию еще больше.

– Оливер, если вы не против, давайте сначала заглянем в кабинет к лейтенанту Редондо, моей начальнице. Ей будет интересно услышать информацию лично от вас.

– Звучит тревожно. Мне звонить адвокату? – с легкой иронией спросил Оливер.

– Как сочтете нужным, – абсолютно серьезно ответил Ривейро.

Оливер выдохнул. День точно будет долгим.

– Нет, звонить я никому не стану. Это шутка, сержант. Мне больше, чем кому-либо еще, хочется распутать эту историю.

Ривейро кивнул. Ему нравился этот молодой человек, и он надеялся, что тот никак не связан с телом в реке. Дело становилось все серьезнее.

– Проходите. – Ривейро без стука распахнул дверь в другой кабинет, где царил бы идеальный порядок, если бы не громоздившиеся в углу коробки с делами.

За маленьким круглым столиком с мрачным видом сидел тучный низенький мужчина в штатском. Казалось, дожидаясь их, он извелся от безделья.

Кроме него, в кабинете находилась молодая женщина, выглядевшая полной противоположностью мужчине: строгая, но женственная, стройная, с резковатыми и одновременно нежными чертами лица, с серьезным взглядом. Сидя за большим письменным столом в этой безупречно чистой комнате, она сосредоточенно смотрела в монитор компьютера. При их появлении она подняла голову, и гриву каштановых кудрей позолотил солнечный свет из окна. Что-то в этой женщине привело Оливера в замешательство, что-то в ее лице заставило его задерживать взгляд чуть дольше, было в этом лице нечто странное, необычное, притягивавшее точно магнит.

– Младший лейтенант Сантьяго Сабадель, – Ривейро прервал размышления Оливера, представив толстяка у круглого столика, – руководитель отдела культурного наследия. Бакалавр искусств и магистр археологии. – Все ведь верно? – спросил он у Сабаделя.

– Абсолютно, сержант, – подтвердил Сабадель и, не сводя неприязненного взгляда с Оливера, пожал ему руку.

– И старший лейтенант Валентина Редондо, – представил Ривейро женщину, которая уже вышла из-за стола. – Выпускница факультета психологии Университета Сантьяго-де-Компостела и доктор судебной психологии.

– Ну если вы собирались меня впечатлить, то это вам удалось. Такому и ФБР позавидовало бы, – пошутил Оливер, пытаясь ослабить напряжение, скручивавшее ему живот.

Но лишь Ривейро отреагировал дружелюбной улыбкой. Лейтенант Редондо молча пожала Оливеру руку. Оливер посмотрел ей в глаза, пытаясь понять, что в ее облике так притягивает. Привлекательна, хоть и не писаная красавица, стройная, но никаких соблазнительных изгибов. Наконец он понял, что так растревожило его: один глаз у лейтенанта Редондо был насыщенно-зеленого оттенка, он будто светился, будто таил в себе отблеск луны, а другой глаз был темный, словно подернутый дымкой. Этот глаз выглядел живым, ни намека не стеклянный. Но дело было не только в этих разных глазах, а еще и во взгляде – это был взгляд кошки, изготавившейся к прыжку. Отвечая на рукопожатие этой женщины, Оливер ощутил, как запульсировало где-то в груди.

– Сеньор Гордон, до настоящего момента дело виллы “Марина” вел я, – снова подал голос Ривейро, явно не заметивший состояния Оливера, – но, учитывая внезапный поворот событий и возможную связь утопленника с вашим домом, дело переходит к лейтенанту Валентине Редондо.

Возможную связь? Что еще за *связь*? Что, черт возьми, общего может быть у утопленника с детскими костями, найденными на его вилле? Растерянный Оливер молча кивнул в ответ. Полицейские сели за круглый стол, и Оливер машинально присоединился. Лейтенант Редондо наконец заговорила:

– Добрый вечер, сеньор Гордон.

– Добрый вечер, лейтенант.

– Я задам вам несколько вопросов, ответы на которые могут пролить свет на ситуацию. Постараюсь не особо вам докучать. – Говорила она вежливо, но твердо и бесстрастно. – Вам знакомы инициалы П. С. Д.?

– Простите, так с ходу не могу сказать.

– Хорошо. А если я назову имя Педро Салас Диас?

– Впервые слышу. Не знаю человека с таким именем. Это утопленник, если я правильно понял.

– Правильно. Это житель Суансеса. Моряк, из рыбацкого рода. Вдовец с двумя детьми. Неизвестно, были ли у него проблемы или враги. В прессу это еще не просочилось, но скоро растрелят, что хотя тело нашли у маленького причала в устье реки, но погиб он не в результате несчастного случая на воде, а из-за пулевого ранения в живот.

В комнате стало тихо. Оливер словно оцепенел. Редондо, не сводя с него разноцветных глаз, положила на стол фотографию:

– Вот погибший. Вам он знаком?

Оливер внимательно изучил фотографию, почти прожигая ее взглядом. Судя по всему, это была увеличенная копия снимка из паспорта. Слабая улыбка, немного одутловатые щеки, слегка поредевшие седые волосы, округлые и приятные черты лица.

– Нет, я его не знаю. Никогда не видел. Я ничего не понимаю. Как это связано со мной и с виллой?

– Пока что напрямую никак, но у нас имеются некоторые намеки на связь между убийством этого человека и вашим домом, сеньор Гордон.

– О чем вы? Извините, утро у меня выдалось трудное. Прошу говорить все как есть, потому что у меня нет сил гадать. Думаю, вы хотите взглянуть на мою реакцию, как в детективных фильмах, но клянусь, я понятия не имею, что вы собираетесь мне сказать.

Выражение лица Редондо слегка смягчилось, даже мелькнуло подобие улыбки. Мужчины полицейские смотрели на нее. Сержант Ривейро спрятал улыбку.

– В куртке погибшего обнаружили целую коллекцию газетных вырезок с сообщением о том, что в вашем доме обнаружено тело.

Тишина. Оливер даже не попытался скрыть изумления.

– Вот это новость. Что я могу на это сказать? Может, он любитель всяких загадок, привидений... или убийств.

– Возможно, но маловероятно. Близкие покойного не сумели объяснить столь очевидный его интерес к находке на вилле, сеньор Гордон. Мы сейчас пытаемся нащупать связь.

– Да... но послушайте...

– Слушаем.

– Тело нашли в воде? Я хочу сказать... Как эти вырезки не размокли?

На этот раз Редондо не сдержала улыбку. А парень оказался неглуп.

– Оливер, еще немного, и мы возьмем вас на работу, – ответила она с внезапным дружелюбием. – Вырезки находились в пластиковой папке, которая была внутри другой пластиковой папки. Все разложено невероятно аккуратно.

– А, – только и пробормотал Оливер, окончательно сбитый с толку.

Валентина Редондо чуть подалась к нему. Он почувствовал запах ее духов – тонкий цветочный аромат, сдержанный, едва уловимый.

– Теперь расскажите мне, сеньор Гордон, что вам удалось узнать сегодня. А после мы поделимся с вами остальной информацией, если хотите.

Глубоко вздохнув, Оливер принялся излагать то, что сообщил ему Сан-Роман. Коричневую папку, которую ему дал адвокат, он положил на стол.

Рассказ его прерывала только старший лейтенант Редондо, задавая уточняющие вопросы. Ривейро и младший лейтенант Сабадель хранили молчание, хотя документами они заинтересовались, как и рассказом. Оливер заметил, что Редондо раскладывает бумаги в порядке их давности, стараясь ничего не перепутать. “Отлично, – подумал он, – следствие ведет невротичка”. Когда он закончил рассказ, первым заговорил младший лейтенант Сабадель, взглядом испросив разрешения у Редондо.

– Подвеска, найденная вместе с телом в вашем доме, сеньор Гордон, – это статуэтка Тла-лока, одного из важнейших божеств в ацтекской и вообще мезоамериканской культуре. Хотя это всего лишь копия, возраст статуэтки не более ста лет, она обладает определенной культурной и исторической ценностью.

– Просто невероятно. Тлалок, вы сказали? Ну и головоломка. – Оливер покачал головой. – А можно на нее взглянуть?

– На подвеску? Боюсь, что нет, она сейчас у криминалистов. Но вы можете посмотреть фотографии. Мы как раз собирались показать их вам, чтобы удостовериться, что вы раньше ничего подобного не находили на вилле, – сухо ответил младший лейтенант, кладя перед Оливером изображения ацтекского божества.

Рассматривая фигурку, Оливер спросил:

– Говорите, что это мезоамериканское божество? Так вот, Онгайо, первые владельцы дома, сколотили свое состояние где-то в Уругвае. Может, это как-то связано?

Сабадель пощелкал языком и снисходительно посмотрел на Оливера.

– Сеньор Гордон, божество, о котором я говорю, относится к определенному географическому ареалу. Мезоамерика включает Мексику, Гватемалу, Гондурас, Коста-Рику... это обширная зона Центральной Америки, никак не Уругвая, от Мексики он в восьми тысячах километров.

Оливер слегка побледнел, поняв, что Сабадель насмехается над ним, а тот продолжал:

– Это все равно что сказать, что кантабрийский гуляш – типичное блюдо для Лас-Вегаса, от которого до Сантандера как раз восемь тысяч километров.

Оливер не собирался позволять себя унижать.

– Ого, да вас можно назвать просто ходячей гугл-картой. Спасибо, что просветили. Если вдруг окажусь в Лас-Вегасе, то знаю, что заказать.

После его слов в комнате повисло неловкое молчание. Оливер заметил, что лейтенант Редондо сдержала улыбку, переглянувшись с сержантом Ривейро.

– В любом случае, – Оливер слегка смягчил тон, – буду благодарен, если вы объясните, почему возле останков лежал этот божок. Мне нужно хоть что-нибудь понимать в этой истории. Пожалуйста, – добавил он совершенно искренне, не желая больше соревноваться в остроумии.

Сабадель тоже немного расслабился и, поймав одобрительный взгляд лейтенанта Редондо, продолжил:

– По правде говоря, это не совсем божество, поскольку в таких древних примитивных культурах не существует богов в привычном нам понимании. Это скорее покровители атмосферных явлений и горные духи, некие *поставщики* чего угодно, например дождя. Обычно изображения Тлалок встречаются в ацтекских Кодексах⁶, на муралах, в виде барельефов и скульптур... но не подвесок. Если вы внимательно присмотритесь к фотографии, то увидите головной убор из перьев кетцала и цапли и двух змей, заползающих фигурке в рот, сплетаясь вокруг головы.

– Выглядит как-то гротескно.

– Это символы, сеньор Гордон, – возразил Сабадель. – Одна из змей символизирует воды земные, которые питают землю, а другая змея – воды небесные, которые должны пролиться сверху.

– То есть... это что-то вроде бога дождя?

– Да, нечто в этом роде, – согласился Сабадель. – Фигурка вырезана из нефрита, который как раз символизирует воду в мезоамериканских культурах. В культуре майя есть похожий бог, Кукулькан, но мы уверены, что найденная фигурка – ацтекский бог Тлалок.

– Вот как, – Оливер обвел взглядом полицейских, – но понятнее мне не стало. Получается, этот Тлалок – не хранитель детских душ и никак не связан с погребальными ритуалами.

– Это правда, – сказал Сабадель, – поначалу может показаться, что с похоронными обрядами и подобными традициями он никак не связан, но иногда Тлалока призывали к утопленникам.

– Значит, детские останки...

– Сомневаюсь, сеньор Гордон. Не думаю, что ребенок утонул. Впрочем, надо дожидаться результатов медэкспертизы. К тому же считается, что Тлалок приносит удачу, служит чем-то вроде амулета, чтобы урожай был хорошим. Источник жизни, понимаете?

– Ладно, но все равно я не вижу никакой связи ни с трупом из реки, ни с Кантабрией, ни с Испанией, ни уж тем более с виллой “Марина”.

– Это мы и стараемся выяснить, сеньор Гордон.

– Понял. А я вам как-то могу помочь? Я уже рассказал все, что знаю.

⁶ Ацтекские Кодексы – рукописные пиктографические книги, в которых содержатся сведения о культуре и истории, политической системе, структуре общества, религиозных обрядах и мифологии, астрономических и космологических представлениях и пр.

Лейтенант Редондо ненадолго задумалась.

– Оливер, какие у вас планы на завтра?

– Ну... учитывая то, что я сегодня узнал, пожалуй, мне надо бы позвонить отцу, побывать у францисканок, поговорить с сеньорой Онгайо... как получится. Еще я думал поискать информацию в интернете.

Трое полицейских заговорщицки переглянулись, хотя было ясно, что все тут решает лейтенант Редондо. Она и сказала:

– Оливер, если вы не против, составьте завтра компанию нам с лейтенантом Сабаделем, вместе навестим францисканок, а вечером, если выйдет, сеньору Онгайо.

– Мне вам составить компанию? А не наоборот? Да зачем это! В личных вопросах мне полиция не нужна, – ответил Оливер слегка агрессивно. Ему совершенно не улыбалось провести целый день в компании неприятного толстяка и невротички с кошачьими глазами.

– Оливер, это уже не ваши личные дела. Речь идет о сотрудничестве, благодаря которому мы сможем добиться успеха в расследовании. Вы наверняка не в курсе, что францисканкам, хоть это и закрытый орден, принадлежит мастерская по реставрации культовых предметов. Это главная мастерская в провинции, если не на всем севере Испании. Так что францисканки – прекрасные знатоки местных скульптурных и живописных достопримечательностей, и если божество Тлалок как-то связано с Кантабрией, они наверняка смогут нам помочь.

– Действительно, – Сабадель снова прищелкнул языком, – а кроме того, сестра Мерседес, настоятельница монастыря в Сантьяго, нам уже как-то помогала с вопросами культурного наследия.

Оливер обескураженно молчал.

– Затем поедem к Онгайо. И возможно, все мы получим то, что ищем, – решительно резюмировала лейтенант Редондо, ясно давая понять, что никаких возражений слушать не станет.

Удрученный Оливер молча кивнул в ответ, он отступил – как отступает песок Ракушечного пляжа под мягким натиском морских волн.

Преступник не может, особенно в напряженный момент осуществления преступления, действовать, не оставляя следов своего присутствия.

Принцип обмена, сформулированный Эдмоном Локаром (1877–1966), согласно которому при любом взаимодействии человека с окружающей средой они оставляют след друг на друге: человек оставляет свой след на среде, а она – на нем

Сержант Ривейро терпеливо дожидался Клару Мухику у нее в кабинете. Ему хотелось поскорее со всем разобраться. Близость зала для аутопсий вгоняла его в ужас – казалось, что эти клинически чистые коридоры заполнены какой-то липкой тяжестью.

– Доброе утро, Ривейро, ну ты и ранняя пташка! – шутливо поприветствовала его Клара, закрывая за собой дверь. Она еще не надела халат, так что на ней были обычные джинсы и легкий пиджак с яркой бабочкой на отвороте.

– Доброе утро, Клара. Да, в последнее время прямо какой-то завал, а мы-то надеялись, что летом будет поспокойнее.

– И не говори. У вас многие в отпуске?

– Нет, сейчас проблема не в этом. Мы по-прежнему работаем обычными сменами. Но из-за случая в Суансесе нас по уши загрузили работой. Лейтенант Редондо взялась вести дело, а оно становится все запутаннее... ну, ты в курсе: утопленник у причала в Суансесе и младенец на вилле “Марина”.

– Эти случаи связаны? – удивилась Клара. – Так вот почему ты здесь, – поморщилась она, – и, как всегда, меня торопишь. А знаешь, что у меня в очереди на вскрытие жертва насилия и ребенок?

– Ребенок?

– Да, – Клара вздохнула и прикрыла глаза, – из онкологии. Это, разумеется, клиническое вскрытие, не для полиции.

– Понял. Но я здесь по личному поручению лейтенанта Редондо, сама понимаешь. – Последние слова он выделил особо, чеканя каждый слог.

– Ну и хитрец, – засмеялась Клара. – Мы, конечно, подруги, ну и что теперь... Да я и не сомневалась, что это она тебя прислала. Когда она берется за расследование, ее не остановить. Но у меня, Ривейро, своих дел по горло, надеюсь, ты понял.

Ривейро надул щеки и принялся задумчиво гонять во рту воздух, потом ответил:

– Мухика, я в курсе, что у тебя дел по горло, а сейчас лето и многие в отпусках. Я же не прошу полный отчет, даже не нужно что-то там писать, просто скажи мне, что тебе известно.

– Что мне известно? Мне, Ривейро, известно, что я должна оперировать точными сведениями, а не строить предположения, и без конкретных результатов я не могу дать тебе никакой информации. Вдруг я допущу ошибку и направлю тебя по ложному следу.

– Черт подери, Мухика, да я все прекрасно понимаю, но прямо сейчас у нас нет вообще никаких зацепок, кроме найденных у утопленника бумаг. Только они и указывают на связь этого тела с останками на вилле “Марина” и с ее нынешним владельцем.

– С нынешним владельцем?

– Ага. Утопленник хранил всевозможные газетные вырезки с новостями про скелет на вилле, а также всю информацию, какую только можно найти в Сети про Оливера Гордона.

– Ничего себе. А ему вы об этом сказали?

– Нет. Лейтенант Редондо все держит под контролем. Так что он поедет с ними в Сантьягу и Комильяс.

– Получается, что он под подозрением?

– Честно говоря, на данный момент нет. Думаю, лейтенант хочет просто держать его в поле зрения, а не рассматривает как подозреваемого.

– Ясно. – Лицо Клары немного расслабилось. – Полагаю, судья Талавера слегка на вас насаждает со всем этим делом.

– Все как всегда. – Ривейро улыбнулся. – Поэтому нам как можно скорее нужны данные о приблизительном времени смерти и о том, что послужило ее причиной... чтобы проверить алиби, в том числе Оливера Гордона.

– Ладно, садись. Скажу тебе, что знаю сама и какие результаты может дать экспертиза. Идет?

Ривейро, будто ребенок, расплылся в счастливой улыбке.

– Идет.

– Так, начнем с тела на вилле “Марина”. – Клара вынула из досье одну из папок и взяла ту, что лежала у нее на письменном столе. – Изначально мы не зафиксировали летальных травм или переломов ни на черепе, ни...

– Мухика, погоди. Не сыпь, черт подери, терминами. Ты же знаешь, что так я не пойму. Объясни попроще, как...

– ...трехлетнему ребенку, – закончила Клара с улыбкой, свидетельствующей о том, что подобный разговор у них не впервые. – Это я, с твоего позволения, и пытаюсь сделать.

Ривейро кивнул и приготовился слушать.

– Как я уже говорила, на теле не было найдено никаких смертельных повреждений – по крайней мере, структура костной ткани не повреждена, нет ни переломов, ни следов от холодного оружия. Также не было обнаружено и посмертных травм. Тело частично мумифицировано, в связи с этим мы полагаем, что находилось оно в сухом помещении, где было достаточно воздуха. Скорее всего, речь идет о теле новорожденного. Возможно, смерть наступила во время родов – зачатков зубов не видно, а размеры и вес тела соответствуют этой гипотезе.

Поскольку внутренние органы не сохранились, нам не удалось установить, в каком положении пребывало тело в момент смерти. Но благодаря образцам, взятым с перегородки, за которой было спрятано тело, мы можем предварительно заключить, что все процессы происходили в одном месте, тело никуда не переносили. – Она сделала паузу, посмотрела на Ривейро. – Я, опять же, подчеркиваю, что мы ждем результатов из лаборатории.

– Разумеется, я все понимаю. Пожалуйста, продолжай.

– Череп европеоидного типа, так что предварительно мы можем сделать вывод, что перед нами представитель белой расы, европеец. Пол пока установить не удалось, хотя, учитывая строение таза, возможно – сержант, я подчеркиваю: *возможно*, – это индивид женского пола.

– Девочка? – удивился сержант. – Я почему-то был уверен, что это мальчик.

– В работе я оперирую только понятием “индивид”, Ривейро. Мне продолжать?

– Да, пожалуйста.

– Возраст останков мы можем отнести к пятидесятым-шестидесятым годам, но это получится указать точнее, когда будут готовы результаты лабораторной экспертизы, – закончила Клара.

– И все? Новорожденная девочка, которая, возможно, умерла во время родов более пятидесяти лет тому назад?

Клару не переставало удивлять, как умело Ривейро все упрощает, как в двух словах он резюмировал то, что ей никак не удавалось изложить без пространных комментариев.

– Можно и так сказать, – вздохнула она. – И пока это все. Но еще не выполнены лабораторные исследования относительно давности останков и не проведена ДНК-экспертиза, которую сделают в Мадриде.

– То есть тело было спрятано, но убийства, вероятно, не было.

– Вероятно, – согласилась Клара. – Конечно, ребенка могли задушить... И вам еще предстоит выяснить, какое отношение к телу имеет этот зеленый гном.

– Да, мы в процессе. Чертов гном, кстати, оказался мезоамериканским божеством дождя и удачи, как тебе такое? Для своих – Тлалок.

– Тлалок? Такой очаровашка, особенно эти змеи у него во рту. – Клара открыла другую папку. – Ривейро, я тебя предупреждала, что у меня куча работы, так что давай перейдем к индивиду П. С. Д., найденному у причала.

– Отлично, давай.

– Постараюсь вкратце. Ему выстрелили в живот из короткоствольного оружия, может, 38-го калибра, но, опять же, нужно дождаться заключения из лаборатории. Полагаю, данные отправили в Логроньо. Они там очень расторопные.

– В Риоху? Ну, какими бы расторопными там ни были...

– Там все делают быстро и качественно. Потерпи. Рассказываю дальше. Отверстие в теле одно, пуля осталась в животе жертвы. Стреляли с небольшого расстояния, жертва стояла лицом к убийце: вокруг входного отверстия там, где частицы пороха осели на коже, образовалась темная отметина. Но в любом случае мы ждем результатов теста Уокера, чтобы точно установить, с какого расстояния был произведен выстрел.

– Какого еще Уокера?

– Баллистической экспертизы, Ривейро, ты вчера, что ли, в полицию пришел? – упрекнула его Клара. – Тест Уокера проводят с целью установить количество нитритов вокруг входного отверстия и на одежде жертвы. Конечно, из-за мокрой одежды разобраться будет сложнее. Полагаю, ты в курсе, что с каждым выстрелом высвобождается некоторое количество нитрита калия.

Ривейро кивнул, не обращая внимания на ее саркастический тон, и сделал пометку в блокноте. Казалось, он не только усваивает информацию, но мысленно структурирует ее и рассматривает разные варианты.

– То есть, возможно, убитый был знаком с убийцей.

– Это ты следователь, – улыбнулась Клара, – так что тебе и делать заключения.

Ривейро улыбнулся в ответ.

– Да, похоже на то. Но только скажи, причина смерти – выстрел?

– Нет.

– А что тогда?

– Хотя в него и стреляли, при своевременном медицинском вмешательстве он бы выжил, если бы не упал в воду. Или если бы его туда не столкнули.

– Получается...

– Жертва утонула. Об этом свидетельствуют разные факторы – к примеру, глаза блестели, будто у живого, что характерно для утопленников. Зеленое пятно на животе обычно проступает спустя сутки или тридцать шесть часов после гибели, под влиянием клостридий и кишечной палочки, от которых гемоглобин распадается на сернистые соединения зеленого цвета...

– погоди, – прервал сержант, – не путай меня. Все эти нитриты, зеленые пятна... я в них ничего не понимаю.

Клара вздохнула и бросила взгляд на настенные часы.

– Поясняю: зеленое пятно обычно проявляется спустя сутки после смерти, ты наверняка такое видел в десятках случаев. У погибшего оно располагалось между шеей и грудной клеткой, где у утопленников чаще всего скапливается кровь. Индивид находился в позе зародыша, а наличие воды и планктона у него в желудке и в легких свидетельствует о том, что этот человек погиб от утопления.

Ривейро жестом дал понять, что хочет что-то сказать, но Клара прервала его:

– Сейчас ты спросишь про время смерти. Учитывая, что в воде тела разлагаются медленнее, и принимая во внимание температуру печени и состояние кожи, я бы сказала, что самый большой срок – около суток. Я бы предположила, двадцать шесть часов, но я ведь еще не получила заключений из лаборатории, о чем тебе уже сто раз сказала, Ривейро. – Она скрестила руки на груди, давая понять, что разговор окончен.

Сержант пребывал в задумчивости.

– Это совпадает с газетными вырезками, которые при нем нашли, самая свежая – позавчерашняя. Но я кое-чего не понимаю. Труп разве не должен был затонуть? Просто другие найденные нами трупы всплывали на поверхность через два-три дня, под влиянием газов и всего такого.

– И всего такого? – ухмыльнулась Клара. – Думаю, тело почти все это время болталось у причала, среди огромных камней, а когда вода спала, оно оказалось на виду. Кстати, на теле присутствуют следы ушибов и царапины, которые мы оценили как посмертные, – наверняка это от ударов о скалы.

– Да, нужно перечитать показания рыбака... Конечно, мне лично кажется странным, что за целый день тело никто не заметил... оно же было у самого причала, а тот рядом с Ракушечным пляжем. Кто-то же должен был его увидеть, даже если бы тело находилось со стороны устья реки... Кстати, а нет ли у него каких прижизненных повреждений?

– Вроде бы нет. Мы отправили в лабораторию одежду, но не знаю, найдут ли хоть что-то, ведь тело столько часов пролежало в воде. Да, кстати, все вещи забиты водорослями. Возможно, тело скрывали морские заросли. Мы не обнаружили никаких следов борьбы, ничего инородного под ногтями. Если его и столкнули в воду, сопротивления он не оказывал – думаю, его скрутило от выстрела в живот. Или он потерял сознание, потому что ни на руках, ни под ногтями нет никаких признаков того, что он пытался взобраться по скалам, цеплялся за них. Я знаю, что коллеги-криминалисты прочесали весь причал, но пока ничего не нашли. Даже следов крови, так что если преступление произошло там, то жертву сразу сбросили в воду.

– Хорошо. Но в него могли стрелять в другом месте, а потом положить в машину и бросить у причала. Или скинуть с корабля. Или что-то такое.

– Могло быть и так. Но между выстрелом и смертью прошло не так много времени, согласно исходным сведениям о состоянии внутренних органов. Максимум минут десять-пятнадцать.

– Понял. Если я верно подсчитал, мужчина получил пулю в живот между семью и девятью часами утра в воскресенье, у причала или неподалеку, а затем упал в воду – или его туда толкнули – и захлебнулся. Но что он, черт возьми, делал там в это время? Приспичило поудить рыбу? Все рыбаки отдыхают, а этот тип вдруг отправляется на рыбалку? – вслух размышлял Ривейро. – Ты что-то хочешь добавить, Мухика?

– Прямо сейчас – ничего. Но я чувствую, что завтра ты снова начнешь приставать с вопросами. Я права?

– Ты всегда отличалась догадливостью. – Ривейро спрятал блокнот и направился к двери. – Большое тебе спасибо, правда. Я твой должник.

– И давний должник.

Когда дверь за сержантом закрылась, Клара вздохнула и села за письменный стол. У нее возникло тоскливое предчувствие, что все только начинается, что сейчас они видят лишь первые брызги клокочущего, ревущего потока.

Дневник (4)

Повстанцы, которых сначала называли националистами, а затем франкистами, с апреля 1937-го начали Северную кампанию, отказавшись от осады Мадрида и решив вместо этого объединить линии фронта, пользуясь, среди прочего, индустриальным потенциалом Кантабрии, Астурии и Страны Басков.

В июне пал “железный пояс” – Бильбао, и более ста пятнадцати тысяч басков теперь вынуждены искать убежище в провинции Сантандер. Многие местные жители укрывают в своих домах чужаков, сражающихся под красным знаменем Республики. Столица Кантабрии бурлит. Провизии на всех не хватает, с моря их блокируют корабли франкистов, так что снабжение почти невозможно. В деревнях тоже нуждаются, но там голод не так свирепствует, как в городе, – огороды и природа помогают прокормиться.

Бенигно больше не поднимается в пещеры. Клара, Давид и Хана тоже. Отчаявшийся отец решил, что пусть чертов рок и проклятый Бог вершат судьбу его семьи. Во время авианалетов они прячутся в доме. Если налеты застают их за работой в поле или на выпасе скота, прыгают в какую-нибудь яму или ров. Будь что будет. В их мире не спастись от смерти, которая прилетает с неба, – это они усвоили.

Бенигно совершенно раздавлен. И не только скорбью, на него навалились проблемы. Никто не может помочь ему с детьми, лишь соседи. Хана только год назад пошла в школу, и совершенно непонятно, сможет ли он, когда лето закончится, отпустить Клару и Давида учиться, когда дома столько работы – и в огороде, и со скотиной. А сам он целыми днями пропадает на фабрике, с понедельника по субботу, времени на детей почти не остается.

В Галисии живут его родители и одна из сестер, но он не может связаться с ними с самого января и не знает, получили ли они два его письма. Рассчитывать остается только на мать Кармен – бабушку Хулию, которая работает кухаркой в усадьбе у молодых господ в Торрелавеге. Но она может навещать их лишь по понедельникам, в свой единственный выходной, и то не всегда. Оба брата жены, совсем еще молодые парни, убежденные республиканцы, ушли воевать с франкистами, и о них тоже ничего не известно. Может, они погибли или ждут казни. Может, где-то во Франции или в Англии. Может, в Венесуэле.

Сейчас мы пройдемся сквозь баррикады времени и окажемся в июле 1937 года. Мы в Инохедо. Бенигно на кухне спорит с Браулио, соседом и давним другом.

– Так валите во Францию, как все! Уезжайте! Живите, мать вашу, своей жизнью! А я отсюда ни ногой. Здесь у меня работа на фабрике, мои дети и мои покойники. Осталось недолго, война почти проиграна, – лихорадочно говорит Бенигно, нарезая круги по кухне и яростно жестикулируя.

– Ты не слушаешь никаких доводов, – напирает на него Браулио. – Бог знает что может случиться, если остаться. Националисты наступают, и если Сантандер падет, то кто позволит тебе сидеть дома и пасти коров? Ты как это себе представляешь? Нас погонят на фронт подавлять Астурию, я читал об этом в “Ла Републике”.

– Где?

– В газете, мать твою. Не знаешь, что ли? Теперь у нас ни “Эль Диарио Монтаньес”, ни “Эль Кантабрико”, ни хрена... чернила кончились. Выходит только “Ла Република”. Срань господня, ты с фабрики сразу домой, а что вокруг творится, без понятия.

Бенигно молчит пару секунд.

– Меня не заберут. У меня трое детей, я один у них.

– Ну ты даешь. Да любого заберут, если им приспичит! – Браулио переходит на крик и тут замечает в дверях Клару и Хану.

Бенигно прослеживает за его взглядом и, не меняясь в лице, негромко говорит:

– Мы остаемся.

Браулио качает головой. Прощается взмахом руки, без единого слова, только судорожно вздохнув. Выходя из дома, он с болью думает, что никогда больше не увидит ни Бенигно, ни его детей, – он в этом совершенно уверен.

Дневник (5)

Война в Кантабрии, которая идет уже чуть больше года, вот-вот закончится. Тем не менее в конце августа 1937 года сражения и политические дразги продолжают сотрясать другие территории полуострова, и все это часть гражданской войны.

Наверняка по чистой случайности тем вечером именно Хана и Давид должны были отвести скотину – двух своих коров и пять соседских – на пастбище и привести их обратно. Одно из жутких совпадений, из-за которых в душе разгорается огонь.

Сначала они увидели красных. Их было около дюжины. Красные бежали, точно преследуемые кролики, перепуганные и изможденные. Ломились сквозь кусты, уворачивались от ветвей деревьев, хрипели, задыхались, поглядывали поминутно в небо и бежали, бежали не останавливаясь.

И тут появились истребители. Два “хенкеля” рассекали воздух – как и во все остальные дни. Они не просто гудели в небе, на этот раз пулеметчики не дремали, а безостановочно поливали огнем бегущих. Замерев от ужаса, Клара смотрела на это из окна. На лугу Хана и Давид застыли как вкопанные. Разве что опустили на корточки, словно это могло как-то защитить их от пуль. Они даже не пытались укрыться. Они наблюдали, запечатлевая в своей детской памяти, как души покидают тела убитых.

Республиканцы падали, точно созревшие ягоды вишни, если тряхнешь ветку, падали замертво в устье реки, чьи холодные воды ласково смывали в море их кровь.

На следующий день стало известно, что Торрелавега в руках националистов, и один из жителей Инохедо, из ультраправых, ходил от дома к дому, сообщая всем, что “славное войско” вступило в Барреду и нужно идти встречать солдат. Обрати внимание на дату: 25 августа 1937 года. Столица Сантандер только что сдана. Хана долго еще будет помнить, как им с братом и сестрой было велено одеться и бежать в Барреду, чтобы приветствовать входящие войска. Тех самых франкистов, которые одним стылым утром убили с неба ее маму и брата.

– Открой глаза, Хана, – говорит Бенигно дочери и подталкивает ее локтем, заметив, что она хлопает в ладоши, зажмурившись.

– Да, пап. – Хана никогда бы не осмелилась послушаться отца. – Просто я не хочу смотреть, не хочу... там мертвый... – Она впиается взглядом в мертвого республиканца, лежащего на тротуаре. Его рука свисает на проезжую часть, а тело наполовину прикрыто коричневым покрывалом.

– Так не смотри вниз, – говорит отец, – просто хлопай и улыбайся, доченька. Хлопай и улыбайся, – повторяет Бенигно сквозь зубы, косясь на Давида и Клару, которые послушно улыбаются изо всех сил.

Один из солдат победоносной армии спотыкается о руку республиканца. Солдат пинает ее, и от удара рука прижимается к телу.

– Оп! Коммуняка, коммуняка! – хохочет солдат и идет себе дальше, едва глянув на мертвое тело.

Но какая-то непреодолимая сила толкает Хану. Внезапно она перестает хлопать и с силой вцепляется в юбку сестры, ткань рвется, перекручивается.

Один из солдат останавливается прямо рядом с ними. Отец словно растворяется в воздухе. Хана может думать только об одном. И видит она только куклу. Потрясающую куклу – с волосами, глазами, улыбающуюся, с руками и ногами. Бесполоую куклу, зачем-то болтающуюся у солдата на ремне. Как бы ей хотелось поиграть с ней, у нее никогда не было куклы, как, впрочем, и других игрушек. Она робко тянет солдата за штанину:

– Дядя... Дай куколку... – На солдата устремлен ангельский взгляд. Такая хорошенькая девочка.

Солдат секунды три что-то соображает. И вдруг взгляд его делается бешеным.

– Черт ты дери, девка, сгинь! Это тебе не кукла. Усекла? Это Асанья! И я его вздернул!

Солдат разворачивается и присоединяется к шествию победителей, которые время от времени останавливаются лишь для того, чтобы обрушить на зрителей политические лозунги.

Хана испуганно молчит. Она не знает, что Асанья – президент Республики. Клара шепотом принимается отчитывать сестру. Как ей только взбрело в голову заговорить с солдатом? Давид, не заметивший, что отец куда-то исчез, в каком-то экстазе завороченно смотрит на военных, пока колонна франкистов не сворачивает на другую улицу.

Только вернувшись домой, дети узнают, что отец исчез, потому что франкисты прямо на улице выдергивали из толпы зрителей мужчин, чтобы превратить их в солдат для предстоящих сражений в Астурии. Дворами он пробрался к железной дороге, связывающей Реосин с Инохедо.

“В конце концов, – думал Бенигно, – козлина Браулио оказался прав”.

Несколько дней он скрывался дома – невидимый страж своей разрушенной семьи. В первой половине сентября 1937 года последние кантабрийские территории, Туданка и Льебана, были взяты националистами, и военные действия в Кантабрии затихли. Кровопролитная война на этих землях наконец закончилась.

Но с завершением боевых действий новый период в истории не начался – продолжило расти и крепнуть нечто, порожденное во чреве этой войны. Нечто слишком сложное для разума простого крестьянина, не познавшего крови. Не вдыхавшего ее густого, сладкого, металлического запаха.

Злоба, отдающая страхом, – вот что живет в душе человека, на глазах которого мать и брат разлетелись на кусочки.

Что-то темное, рожденное из холода, поселившегося в кишках, когда умирающий солдат смотрит на тебя так, будто ты – последнее, что удерживает его в жизни, которая вот-вот его покинет.

Ледяной дух, который мог так и остаться едва различимым холодным колодцем где-то в глубине, но холод пророс, начисто уничтожив доброту, безмятежность и спокойствие в нежной женской душе. Есть люди, что просто принимают эту жизнь, – и это либо мудрецы, либо трусы.

Никто не попросит для нее пощады, никто не попытается ее оправдать, потому что она будет вселять в них ужас. Так сколько же оттенков у правды?

Ты не очень раздувайся, мой мальчик, не стоит того. Не показывай, какой ты крутой, это дешево, поверь мне. Ты должен быть поскромнее, незаметнее, ты маленький человек, тихий, простой, открытая душа. Взгляни-ка на меня: если бы тебе не было известно, кто я, разве ты сказал бы, что я хозяин мира?

Аль Пачино в образе Дьявола, обращаясь к директору адвокатской конторы (“Адвокат дьявола”, 1997)

В хижине на вилле “Марина” играла музыка. Оливер сидел на террасе, положив ноги на низкий столик из тикового дерева. Он пил кофе, устремив взгляд на Ракушечный пляж, который сегодня был окутан легким тихим туманом. Жаркое лето в Кантабрии обычно не задерживается; влажный воздух здесь источает свежесть, изливающуюся благодатным дождем или стелющуюся туманом. Музыка доносилась из глубины дома. Оливер поставил диск американской группы *Imagine Dragons*, которая по чистой случайности была родом из Лас-Вегаса, что напомнило ему о саркастичных замечаниях младшего лейтенанта Сабаделя.

Оливер слушал песню “Демоны” и думал, что она про него. Он был разбит. Казалось, гигантский, сеющий разрушения шар влетел к нему в голову, снес все, что казалось устой-

чивым и понятным, безжалостно порушив незыблемые основы его жизни, семейные связи, непреложные истины. Сколько он ни пытался, не получалось связаться по телефону с отцом, Артуром Гордоном. Да и сумеет ли тот успокоить его? Их отношения пусть и были не идиллическими, но достаточно доверительными, Рождество всегда проводили вместе, регулярно созванивались, дабы удостовериться, что оба живы-здоровы и жизнь идет своим чередом.

Но когда начались исчезновения Гильермо, каждый раз все более длительные, отец замкнулся в себе, словно спрятался в панцирь. Смерть жены по вине пьяного сопляка окончательно подкосила Артура Гордона, и он влился в ряды тех, кто отказывается смотреть вперед, кто решил, что финиш уже пройден и осталось только ждать, когда завершится жизненный путь.

Слова отца часто обрушивались на Оливера словно камни: он не такой умный, как Гильермо, не такой амбициозный, не такой харизматичный. Казалось, перекаати-поле куда лучше джентльмена.

Оливер подумал, что в шотландских горах проблемы со связью. Отец все чаще навещался в те края в компании своего старшего брата и его жены, чтобы порыбачить в тишине, молча пить скотч у камина. Два года назад он вышел на пенсию и мог позволить себе праздное существование благодаря доходам от своего бизнеса в сфере недвижимости. Артур полагал, что ему просто больше ничего не нужно от жизни.

Но как только он увидит пропущенные звонки, сразу перезвонит. Оливер надеялся, что так и случится.

Ему лишь тридцать пять. Неужели он так рано побывал на самом дне? Или, наоборот, слишком поздно? И давно следовало сразиться со своими демонами. Одиночество навалилось на него, точно огромный блок сухого льда. Анна больше не с ним, она ушла. Это жизнь. Брат погружается в безумие, и Оливер чувствовал, что теряет его, Гильермо неведомо где, от былой близости не осталось и следа. Оливер подумал: пусть хотя бы этот придурок будет жив. Отец потихоньку угасает, от матери остался только пепел в уродливой урне. А он сам, отправившись на поиски нового будущего, наткнулся лишь на клубок из тайн и смертей – не будущее на надежной основе, а темный непроглядный омут.

Младший лейтенант Сабадель и лейтенант Редондо приехали на виллу утром. Он впустил их в особняк, чтобы они осмотрели место, где спал вечным сном маленький “ангел виллы «Марина»”, но сам к ним не присоединился, попросил прораба сопроводить полицейских в подвал. Часы показывали девять, и ему хотелось спокойно доесть завтрак. Оливер понимал, что день предстоит долгий. Он задался вопросом, что будет чувствовать завтра, сидя на этой террасе в это же самое время, какие секреты всплывут сегодня, какие горести прошлого загорают? Или же все так и останется спрятано под покровом тайны и безмолвия, а им самим окончательно завладеют демоны?

Оливер выругал себя за плаксивое настроение, решительно отогнал жалость к себе и увидел, как к нему приближаются три человека. Лейтенант Редондо шагала впереди, за ней, сильно отстав, шли Сабадель и прораб, занятые разговором. Сегодня Валентина была без формы, цивильная одежда придавала ей несколько андрогинный вид. Никакого макияжа, и Оливер поразился вдруг, до чего она красива.

Лейтенант Редондо подошла к террасе, взгляды их встретились, но оба молчали, просто глядя друг на друга. Лейтенант понимала, что сегодня она на его территории.

Оливер смотрел в упор, не пытаясь казаться любезным. Тишину нарушала лишь музыка. Казалось, даже воздух задержал дыхание.

Когда приблизился Сабадель, они прекратили игру в гляделки, оставили попытки про сверлить друг друга взглядом. Лейтенант Редондо бесстрастно сказала:

– Мы уже закончили. Когда будете готовы, поедem в Сантьягу.

– Конечно. – Оливер залпом допил кофе. – Только схожу за курткой, и можем отправляться.

Они ехали в полной тишине, мимо бескрайних лугов, проплывавших слева. Справа открывался захватывающий вид на отвесные скалы, омываемые Кантабрийским морем. Оливер наконец решил нарушить молчание.

– Так мы заявимся к монахиням инкогнито?

– Почему вы так решили? – спросила Редондо.

– Потому что вы в гражданском, а машина без опознавательных знаков.

Лейтенант улыбнулась.

– В следственном отделе мы не носим форму, сеньор Гордон, за исключением официальных и протокольных мероприятий. Но в любом случае лучше не заявляться в монастырь в форме и на патрульной машине, вам так не кажется? – ответила она, слегка повернула руль и покосилась на сидевшего рядом Сабаделя. – Просто проявляем осмотрительность. К тому же мы уже предупредили францисканок о своем визите.

– Ясно... А можно вопрос? – Оливер решил не обращать внимания на тяжкие вздохи Сабаделя, который сегодня был особенно неразговорчив. – Если францисканки не помогут нам с этим божком Тлалокком, что тогда? Станете названивать в консульство Мексики и спрашивать, не теряли ли они кости ребенка доисторических времен?

Лейтенант Редондо покачала головой:

– Не бегите впереди паровоза, сеньор Гордон. Кстати, напоминаю, что возраст останков криминалисты еще устанавливают. Нет, в таком случае – хоть и будем надеяться, что этого не понадобится, – придется обращаться в университет и в Кантабрийский музей доисторической эпохи и археологии в Сантандере.

– А... – только и выдавил озадаченный Оливер.

Сабадель, прекрасно понимавший, что эти поручения достанутся именно ему, прищелкнул языком, но ничего не сказал, хотя скептическое выражение его лица говорило само за себя. Оливер задумался, всегда ли младший лейтенант издает такой звук, похожий на сухой щелчок, – это что-то сродни нервному тикку или же так он специально демонстрирует собеседнику свою неприязнь?

– Скажите, Оливер, – снова заговорила Валентина Редондо, – а не слишком ли рискован ваш план? Бросить все в Англии, приехать в места, где вы никого не знаете, и начать тут с нуля свое дело.

– Кто не рискует, тот не может рассчитывать на победу.

– Это верно. И все же достаточно большой риск, особенно если действовать в одиночку.

– Осторожно, – вдруг сказал Сабадель. – Если лейтенанта Редондо не остановить, она за пару минут проведет вам полный психоанализ.

Валентина Редондо устремила на него ледяной взгляд своих разноцветных глаз, и Сабадель немедленно потупился. Лейтенант Редондо могла поставить кого угодно на место единственным взглядом. Она мысленно вернулась к телу, найденному у причала в устье Суансес. Неужели Сабадель не понимает, что она пытается выведать как можно больше о человеке, который вполне может иметь отношение к убийству? И почему ей подфартило получить в команду непроходимого идиота? Валентина знала, что Сабаделю не нравится быть у нее в подчинении, но куда ему деваться. Она никому не позволит усомниться в ее авторитете, не говоря уж о том, чтобы покушаться на него. С Сабаделем она еще поговорит, позже.

Несмотря на тягучее молчание, будто залившее машину, Оливер не смог сдержать грустную улыбку, когда принялся рассказывать:

– Как-то отец сказал мне, чтобы я не рассчитывал, что он бросится на помощь, если дела пойдут не так. А еще он сказал, что если я не хочу все время вариться в собственном соку, то не

следует идти проторенным путем. Поэтому я выбрал другой. Считайте, что я решил проверить, не окажется ли этот путь верным и не приведет ли меня к успеху.

– И на данный момент ваш успех – это два трупа, – буркнул Сабадель, снова прищелкнув языком, но потише, чем прежде.

Редондо и на этот раз не потеряла самообладания, пропустила мимо ушей комментарий и понимающе оглянулась на Оливера. Тот сказал:

– Кроме того, у меня есть план Б.

– План Б?

– Отец говорит, что все мы сделаны из одного материала и если не хотим ощущать себя потерянными и одинокими, нам необходимо найти другое существо, которого не волнуют наши глупые несчастья.

Редондо снова изучающе посмотрела на него.

– То есть, – улыбнулся Оливер, – мне следует завести собаку.

Сабадель расхохотался:

– Мудрый человек ваш отец. Английский юмор, да, приятель? Завести собаку!

Редондо тоже рассмеялась, ощутив внезапную легкость. Интересный персонаж этот старый Гордон. Но времени на разговоры не осталось – они приехали. Невероятно: и десяти утра нет, а туристы уже толпятся в Сантильяне-дель-Мар. Неужто из-за тумана у курортников проснулся интерес к достопримечательностям? Лейтенант Редондо признала, что место очаровательное, каждый камень словно хранит тайны прошлого, чьи-то секреты, следы какой-то иной жизни. И это несмотря на то, что вокруг старинных особняков сгрудились лавки, торгующие сувенирами и чипсами с шоколадками, и далеко не все из них вписывались в атмосферу старины. Автомобили и автобусы сновали между центром деревни и располагавшейся неподалеку пещерой Альтамира, хотя поглазеть там можно было разве что на ее копию из папьемаше. Странное место – мир, на какие только причуды люди не падки.

– Пошли, – скомандовала Редондо, захлопнув дверцу машины. – Сабадель, ты тут уже не раз бывал и все знаешь. Веди нас.

Сабадель был доволен тем, что наконец-то может взять на себя руководство.

– Вход сзади, вон по тому проходу.

С этого момента инициатива перешла к нему, поскольку он был знаком с францисканками. Сабадель повел Редондо и Оливера по узкому проходу между стенами. Хотя это и была самая обыкновенная улочка, казалось, она ведет в прошлое – по обе стороны высились мощные трехметровые каменные стены. Судя по всему, их не так давно отреставрировали, камень был чистый и светлого оттенка.

– Потрясающе, – сказал Оливер. – Состояние безупречное.

– Да. Раньше францисканки обитали в приходе Пресвятой Богородицы, где сейчас Епархиальный музей, это в соседнем квартале. А теперь они тут, – кивком головы Сабадель указал на каменную стену справа, – в монастыре Сан-Ильдефонсо, раньше принадлежавшем доминиканкам. Они-то все и привели в порядок, когда лет пять назад покидали монастырь.

Оливер и лейтенант Редондо внимательно слушали. Лейтенант была здесь впервые.

– Со стороны сестры Мерседес готовность принять нас – великодушный жест, потому что у францисканок закрытый орден. – Сабадель со значением посмотрел на Оливера. – Так что я буду говорить первым, – он перевел взгляд на Редондо, – а когда речь пойдет про мезоамериканское искусство, вы, сеньор Гордон, спросите о своей семье.

– Хорошо, – согласился Оливер.

Впереди в каменной стене возникла полукруглая арка – ворота, две темные деревянные створки, утыканые круглыми черными шипами. Они словно очутились в шестнадцатом веке, только ухоженном и чистом. Над каменной аркой выступал небольшой навес – черепичная

крыша, опирающаяся на деревянные балки. Справа от ворот – табличка из черного металла, в форме свитка пергамента, средневековым шрифтом выбита надпись:

Кондитерская сестер францисканок:
печенье, бисквиты, продажа с рук

– Они торгуют печеньем? – удивился Оливер.

– Ну вы же не думали, что они живут только за счет реставрации предметов культа и милостью божьей. – Сабадель опять прищелкнул языком.

Они прошли в огромное патио, облицованное камнем. Впереди, по левую руку от них, возвышалась внушительная крепостная башня, а правее – еще одна полукруглая арка, напоминавшая вход в древнюю пещеру. В нее-то они и вошли, оставив за спиной огромную каменную купель с цветами – розовыми, красными и белыми.

Пройдя под аркой, они оказались в зале с каменными стенами и полом. Кое-где стены были побелены, над узкими дверями висели маленькие таблички: приемная для посетителей, еще одна приемная. Простенькая табличка с надписью “вертушка” – над вращающимися дверками из полированного дерева, через которые монахини могли продавать сладости туристам и посетителям, не опасаясь, что их увидят. В этом зале, где из украшений был только небольшой изящный столик, внимание прежде всего привлекал стеклянный шкаф рядом с “вертушкой”. Шкаф занимал почти всю стену – освещенная изнутри витрина, заполненная печеньем, сладкой выпечкой и свежими бисквитами.

– Аппетитно. Пожалуй, возьму парочку, – сказал Сабадель и нажал на звонок – единственное средство связи с монахинями для желающих попасть на прием или купить монастырских деликатесов.

Ответили тут же, Сабадель коротко переговорил с кем-то через подобие телефона, после чего они прождали не менее получаса – в компании выпечки, сиявшей в стеклянной витрине. Наконец одна из боковых дверей приотворилась и выглянула молодая пухленькая монахиня. Широко улыбаясь, она пригласила гостей пройти внутрь. Девушка сказала, что ее зовут сестра Пилар, но дальше хранила молчание, хотя лицо ее и глаза так и сияли, слегка даже чересчур. Оливера удивил ее явственный южноамериканский акцент, не сочетавшийся с традиционным облачением: черное с белым, вневременный облик. Они словно очутились в ином мире. Сестра Пилар сообщила, что их ожидают, а остальные сестры осведомлены и находятся у себя в кельях, и провела гостей через небольшой, аскетичного вида дворик с невысокими арками, над которыми располагался верхний этаж с простыми окнами без намека на декоративность. Они оказались в прохладном каменном коридоре со множеством деревянных дверей. Когда монахиня открыла последнюю дверь, в коридор проникла струя света. Их ввели в огромный, залитый светом зал, где запахи краски, скипидара и чего-то смутно похожего на акрил боролись с духом прошлого, затхлости, сырости. Это была мастерская сестер-францисканок.

Там их ждала одна-единственная женщина – мать-настоятельница, сестра Мерседес. Она спокойно обернулась к ним, оторвавшись от работы над огромным полотном в синих и темно-красных тонах, которое реставрировала. Сестра Мерседес была явно в очень преклонном возрасте, но ее светлые, почти прозрачные глаза светились уверенностью, силой, самообладанием и умиротворением.

– Добро пожаловать, сеньор Сабадель, – улыбнулась она, – я вас ждала.

Младший лейтенант представил спутников, юная сестра Пилар встала позади настоятельницы, точно пастушья собака, покорно ждущая хозяина, всем своим существом источая внимание и восхищение. Перебросившись с сестрой Мерседес парой обязательных реплик о погоде и неустанной работе полиции во благо мира и спокойствия, Сабадель коротко рассказал ей о сути дела и показал фотографии Тлалока в большом разрешении, однако умолчал о том, что фигурку нашли возле тела младенца в особняке в Суансесе. Также он ни слова не сказал

об убийстве, возможно связанном с этим делом. Но сестра Мерседес, пусть и монахиня, была еще и женщиной, так что она с кошачьей ловкостью увернулась от вопроса:

– Дорогой сеньор Сабадель, вы знаете, что наш орден всегда готов сотрудничать с силами правопорядка, но, чтобы вам помочь, мне нужно знать, откуда у вас это мезоамериканское божество.

– То есть оно вам знакомо? – изумился лейтенант.

– Конечно. Мне известны изображения различных языческих божеств – как современных, так и древних. Не забывайте, что мы, монахини, хоть и посвящаем жизнь молитве Господу нашему Иисусу Христу, нищему и распятому, но знаем и об иных формах духовной жизни, включая верования других народов и племен.

– Сестра Мерседес, боюсь, на данный момент это совершенно секретная информация и я не могу сказать вам, откуда взялся этот предмет.

– А раньше вы мне все рассказывали.

– То были преступления, связанные с культурными объектами, сестра, а сейчас речь идет об убийстве. – Сабадель даже вспотел, подыскивая правильные слова, чтобы уломать монахиню. – Мы помним ваш неоценимый вклад в возвращение Кодекса, – сказал он, ссылаясь на одно из недавних расследований, – и мы не хотели бы лишний раз нарушать ваше уединение. Мы лишь хотели спросить, не знаете ли вы о связи этой фигурки с Кантабрией или хотя бы с Испанией.

Сестра Мерседес улыбнулась, но взгляд ее остался настороженным.

– Я не хочу проблем для нашего монастыря, сеньор Сабадель, а это дело кажется серьезным, раз вы прибыли такой представительной компанией, дабы побеседовать о такой, по сути, малости.

Несколько секунд все пребывали в молчании. Сабадель прищелкнул языком и заговорил с вымученной деликатностью:

– Я должен пояснить, что сеньор Гордон прибыл сюда по личному вопросу, связанному с этим делом. Как бы то ни было, мы не хотим вас беспокоить, как я уже сказал...

– Нет, сын мой, вовсе вы нас не беспокоите, – прервала его сестра Мерседес, глядя на Оливера. – Личное дело, вы говорите... Ну хорошо, значит, фигурку нашли на вилле “Марина”.

– Что?.. Простите, сестра, как... как вы это узнали? – ошеломленно спросил Сабадель.

Оливер и Редондо потрясенно молчали. Мать-настоятельница не спешила с ответом, явно наслаждаясь.

– Боюсь, в газетах уже написали все то, что вы, сеньор Сабадель, стараетесь охранять как *совершенно секретную информацию*.

– В газетах? Но у вас ведь нет... я имею в виду, вы ведь закрытый орден.

– Закрытый. Но затворничество – не самоцель, а средство для сохранения нашего уклада. Мы не пропускаем мимо ушей то, что происходит снаружи, пусть и не участвуем в этом. Затворничество, сеньор Сабадель, это не тюрьма. Мы покидаем эти стены, чтобы голосовать на выборах, проходим профессиональные курсы... у нас даже есть молитвенный дом за пределами монастыря – для тех, кому нужно провести несколько дней в уединении и тишине.

Сестра Мерседес сделала паузу, и хотя она сидела прямо напротив посетителей, казалось, обращается она к ним откуда-то сверху.

– Мне, например, хоть я и чувствую себя неплохо, в мои девяносто с лишним приходится покидать эти стены, чтобы посетить докторов. Вот и накануне пришлось отлучиться. – Она помолчала и пояснила: – Артроз.

– Вот как, надеюсь, вам лучше... – начал было Сабадель, но настоятельница остановила его пренебрежительным взмахом руки и привстала, словно демонстрируя, что она в прекрасной форме.

– Ревматолог хорошо обо мне заботится, а в приемной у него полно всякой прессы, вот в одной из газет и оказалось фото этого юноши, – взгляд на Оливера, – в дверях его дома, где, как там было написано, обнаружили детский скелет.

Сабадель и Редондо ошеломленно молчали. Оливер с сомнением посмотрел на полицейских, он-то помнил толпы журналистов и фотографов, осаждавших последние пару дней виллу. Сестра Пилар не сводила влюбленного взгляда с настоятельницы и улыбалась. Голос подал Сабадель:

– И вы догадались...

– Любой бы догадался, сын мой.

– Тогда прошу вас быть благоразумной.

– *De nihilo, nihil*, – ответила старушка и тут же сама перевела, лукаво улынувшись: – Из ничего ничто и получается.

Лейтенанта Редондо начинало раздражать, что настоятельница подтрунивает над ними, будто они какие-то школьники. Она решила взять беседу в свои руки, раз уж от Сабаделя нет толку.

– Сестра Мерседес, мы не намерены злоупотреблять вашей любезностью, у вас наверняка хватает забот, – она указала на огромное полотно, над которым трудилась монахиня. – Мы лишь хотим узнать, есть ли связь между мезоамериканским божеством с каким-то местом здесь или вообще в Кантабрии. Вы обладаете обширными познаниями в культуре, искусстве и истории этих краев.

– Это единственная мастерская в Кантабрии, которая занимается реставрацией произведений искусства, – ответила настоятельница, пристально глядя на Редондо. Даже если разноцветные глаза лейтенанта и привлекли внимание монахини, виду она не подала. – Я уже более пятидесяти лет изучаю живопись, скульптуру и историю искусства Кантабрии. Уверяю вас, если бы я ранее наткнулась на подобного божка со змеями во рту, я бы точно такое не забыла. У христиан и мусульман змей ассоциируется с дьяволом, это вам наверняка известно. В других же религиях – например, в индуизме – бог Шива предстает в виде змея, обычно в образе кобры... но я никогда не видела божества со змеями во рту. – Сестра Мерседес примолкла, перевела дыхание и взглянула на Сабаделя: – Мне жаль, но в этом случае, боюсь, я не смогу вам помочь.

У того на лице читалось явное разочарование. Они вернулись в ту же точку, откуда начинали. Придется наведаться в Музей доисторической эпохи и археологии в Сантандере, чтобы узнать, не обнаружат ли там связь Тлалок с Суансесом.

Лейтенант Редондо снова заговорила:

– Что ж, сестра Мерседес, нам остается лишь уйти. Тем не менее спасибо вам за мгновенный отклик и готовность помочь.

Настоятельница слегка кивнула. Валентина указала на Оливера:

– Сеньор Оливер Гордон приехал с нами не только из-за того, что дело касается и его дома, он хотел бы прояснить кое-что относительно своей семьи. Его мать, сеньора Гордон, навещала сюда лет десять назад, так как до двух лет ее растил ваш орден, а потом ее удочерили супруги Перейро, которые жили и работали на вилле “Марина” в Суансесе.

– Ах да, я помню ее. Лусия Перейро. Разумеется, нам она сначала представилась как Лусия Гордон, по фамилии мужа. Мы очень сожалеем о ее кончине, наверняка вы знаете, как щедро она была к монастырю. – Настоятельница посмотрела на Оливера. – Боюсь, сегодня я мало чем могу быть полезна и вам, и молодому человеку, – посетовала она. – Мы искали в архивах, но даже о вашей матери удалось установить лишь то, что в возрасте нескольких месяцев ее оставили у ворот прихода Пресвятой Богородицы, это случилось в начале 1949 года, а семейство Перейро удочерило девочку в начале пятидесят первого, однако месяц, увы, не

припомню. До тех пор мы заботились о ней как могли, в те годы нам частенько подкидывали детей, через мои руки прошло с десятков малышей.

Оливер не смог сдержаться:

– Так вы знали мою маму, когда она была маленькой?

– Да, но совсем недолго. Я ведь поступила в монастырь через несколько недель после того, как девочку подобрали мои сестры, а до этого несколько месяцев готовилась к постригу. Но и самой сеньоре Гордон я не смогла сообщить о ее происхождении ничего больше. Только то, что сейчас говорю и вам: ее оставили в монастырской вертушке, вот и вся история.

– А не было при ней никакой записки или, скажем, одежды, которая могла бы указать на ее происхождение? – продолжил расспросы Оливер.

– Боюсь, что нет, сеньор Гордон, а если и было, то все поглотило время. Уж сколько лет прошло, посудите сами... шестьдесят пять. Ваша мать поняла, что мы не можем рассказать ей ничего. В конечном счете, сын мой, родить ребенка – просто перетерпеть боль, а вырастить его – наполнить его любовью. И именно те, кто ее вырастил, были ей настоящими родителями, неважно, по крови или нет.

– Ладно, спасибо и на том. – Взгляд разочарованного Оливера застыл на полотне за спиной у настоятельницы.

Сабадель и Редондо уже прощались, произнося надлежащие слова благодарности, пусть толку от встречи и не было. Сестра Пилар изготавилась проводить их.

Оливер вдруг спросил:

– Скажите, а почему у одного человека на картине нет глаз? Простите мое любопытство, но этот персонаж буквально притягивает взгляд.

Сестра Мерседес, явно польщенная его интересом, обернулась к полотну четырнадцатого века, на котором изображалась смерть святого Франциска. Святой Франциск возносился на небеса под взглядами парящих в воздухе ангелов, а десятки монахов, рыцарей и крестьян наблюдали за этим с земли. Глаз не было у одного из рыцарей, будто их долго терли ластиком, пока не протерли краску до самого холста.

– Должно быть, кто-то подумал, что этот рыцарь – дьявол, сеньор Гордон. В былые времена глаза могли стереть, чтобы избежать дьявольского взгляда и защититься от сглаза.

– Вот как, я не знал, – потрясенно ответил Оливер.

– Да, это одна из проблем, которыми нам придется заняться при восстановлении картины.

Ex umbra in solem.

Оливер вопросительно взглянул на монахиню. Но сестра Мерседес уже развернулась к гостям спиной, усевшись перед полотном.

– “От тьмы к свету”, сеньор Гордон, “от тьмы к свету”, – сказала она, не оборачиваясь.

Дневник (6)

20 октября 1937 года националисты берут Хихон, так что последний форпост республиканцев в Астурии и во всей северной части Испании пал. Бой на земле проигран, а мировая пресса твердит, что победа франкистов на всем полуострове – лишь вопрос времени.

Вечер, ужин. Хана, Клара и Давид сидят с отцом за кухонным столом, они ничего не знают о происходящем в Хихоне. Их центр мира – вот эта маленькая комнатуха в Инохедо, освещенная карбидной лампой.

Той ночью Хана как подкошенная падает второй раз в жизни – лишается чувств, оглушенная, с ощущением, что живот у нее набит льдом. Бенигно не мог поступить иначе. В конце концов, так всем будет лучше. Он делает это ради них, хотя у самого разрывается сердце. Он пытается подарить им еще один шанс. Но как предугадать, получится ли? Как знать, не все-ли сильно ли зло? Может ли быть хорошим то решение, от которого на душе скребут кошки? Он понял, как безгранична его любовь к детям, когда понял, что надо отпустить их.

Давид уже со следующей недели начнет работать в животноводческом хозяйстве в Ла-Таблии, в районе Суансеса. Там о нем позаботятся Хорхе, троюродный брат Бенигно, и его супруга. Почти каждое утро парень сможет ходить в школу в Суансесе, а по вечерам будет ухаживать за скотом. Неплохой вариант, к тому же недалеко от дома.

Клара поедет к бабушке Хулии в Торрелавегу, будет помогать ей на кухне, по хозяйству и тоже продолжит учебу. Люди, на которых работает Хулия, отнеслись к этому с пониманием, согласились принять старшую из сестер, пусть девочка “подсобляет” по дому, но не могут же они приютить и накормить всех родственников прислуги. Милосердию и доброте, о которых толкуют в церковных заповедях, незачем доходить до таких крайностей.

Хана – младшенькая. Совершенно особенное создание, чьи зеленые глаза пленяют всех. Несмотря на то что девочке довелось пережить, блеск этих глаз все равно завораживает любого, кто встретится ей на пути, словно сверкающий бриллиант из волшебных снов. Ее юное сознание еще очень пластичное, очень восприимчивое. Судя по всему, она самая везучая из троих детей. Их двоюродная бабушка Ампаро живет в Комильясе – наиболее уважаемом местечке Кантабрии. Ампаро – сестра бабушки Хулии. Один ее сын сражается на стороне националистов, другой служит священником в Мадриде. Ампаро с мужем держат таверну. Муж ее моряк, так что дела у них идут неплохо даже в эти трудные времена, и они готовы прокормить еще одного человека. Живя у них, Хана сможет ходить в школу, и ей даже не придется прислуживать в таверне или хлопотать по дому. Станет прямо-таки настоящей городской сеньоритой.

Узнав о своем будущем, Хана крепко зажмуривается, но, прежде чем она успевает это сделать, все погружается в непроницаемые сумерки. Уехать с этой милой старушкой, которую она видела всего с полдюжины раз за всю свою жизнь, значит разорвать связь со знакомым миром, с братом и сестрой, с отцом, с животными, с родными полями и синим небом. Давид и Клара будут жить в часе ходьбы от Инохедо, хоть и по разные стороны от деревни, а она... Где вообще находится этот Комильяс? Сколько до него – три часа ходу? Или больше? Сложно ли будет сбежать оттуда домой?

Спокоен только Давид. Он думает, что с ним наконец обращаются как с мужчиной, и предстоящее похоже на самое настоящее приключение. Но страх разлуки сдавливает ему горло. Ведь, в конце концов, он всего лишь тринадцатилетний мальчишка, который пытается казаться сильным мужчиной.

Клара плачет от разочарования, хотя сдержанно и тихо, как взрослая, умоляет отца позволить ей заботиться о брате и сестре, взять на себя хозяйство. Но поскольку Бенигно тверд в своем решении, она утирает слезы и перечисляет ему, какая бы из нее получилась отменная

кухарка, огородница и хозяйка. В свои одиннадцать она готова ухаживать за всеми. Но все впустую.

Бенигно плачет без надрыва, просто слезы текут по щекам. Он объясняет детям, что это временная мера, пока гражданская война не закончится и “все это дело” не уляжется. А пока что он поживет один в их доме, осиротевшем после смерти хранительницы очага.

Но Хана не понимает ни масштаба, ни длительности “временной меры”. Хана не понимает, почему их с братом и сестрой – их, которые были одним целым, – разрывают на части и разбрасывают по миру, а отец должен оставаться дома наедине с воспоминаниями. Потеряв сознание, она ударяется головой о деревянный кухонный пол, но ничего не чувствует. Погружение в свинцовые облака и плутание в потемках сновидений действуют на нее неожиданно успокоительно. Даруют ей немного времени. Придя в себя, девочка обнаруживает, что лежит в объятиях отца, тот мягко баюкает ее, а рядом спят Клара и Давид. Хана глядит на отца огромными ясными глазами, будто заснула и проспала много-много часов.

– Папочка...

– Очнулась наконец, моя малышка, – с облегчением шепчет Бенигно.

Ее личико вдруг кажется ему повзрослевшим, он с изумлением замечает, что от дочери исходит сдержанное спокойствие.

– Папочка... а мы увидимся, мы будем снова вместе?

– Конечно, дорогая моя. Я буду тебя навещать часто-часто. И как только станет получше, мы снова заживем все вместе, тут, в нашем доме.

– Это будет как каникулы?

– Да, как каникулы, – улыбается Бенигно, в восторге от такого объяснения, которое вдруг немного успокаивает его совесть, хоть и не умиряет тоску, скребущуюся в груди. – Ты пойдешь в школу, заведешь подруг, а потом вернешься домой и обо всем мне расскажешь. Тетя Ампаро и дядя очень добрые, вот увидишь.

– Но я не хочу уезжать.

– И я не хочу, чтобы вы уезжали, но вы уже большие. И помни – это просто каникулы. Тебя ждет много всего нового, побываешь в таких красивых местах... работать будешь намного меньше. – Бенигно вздыхает, но тут же выдавливает улыбку.

– Но я хочу работать! Я могу остаться и вставать рано!

– Нет, малышка. Ты и так рано встаешь. Ты поедешь в Комильяс, тебе там понравится, непременно понравится. Это прекрасное место, а жить будешь в доме дяди и тети, рядом с портом. Оттуда видно море, и ты сможешь смотреть, как рыбаки возвращаются, а над ними выются чайки.

– Я люблю чаек.

– Знаю. А ты знаешь, что когда я был маленьким, мы с дядей Пепе выходили рыбачить в открытое море?

– С дядей Пепе?

– Ну да, глупышка. Это муж тети Ампаро. Он молчун, но человек славный, сама увидишь. Может, он как-нибудь даже возьмет тебя на рыбалку. Нужно только научиться править лодкой, потому что там неглубоко и много камней.

Хана задумывается.

– Значит, это просто такие каникулы. Давид и Клара будут приходить ко мне в гости. И ты тоже. Ты же придешь, пап?

– Ну разумеется, моя радость. Ты же сама понимаешь, что это просто каникулы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.